

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Издается с 2011 г. Выходит 4 раза в год. Рег. ПИ № ФС77-38716 от 22 января 2010 г.
Учредитель: Издательская группа «Юрист»

№ 2 / 2018

Журнал издается при участии кафедры гражданского общества МГИМО — Университета

Председатель редакционного совета

Гриб Владислав Валерьевич, д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой гражданского общества МГИМО — Университета, Председатель Комиссии Общественной палаты РФ по общественному контролю и взаимодействию с общественными советами, член Президиума Ассоциации юристов России, главный редактор Издательской группы «Юрист»

Главный редактор

Автономов Алексей Станиславович, д.ю.н., профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН

Заместитель главного редактора

Туманова Анастасия Сергеевна, д.ю.н., д.и.н., профессор, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Члены редакционного совета

Автономов Алексей Станиславович, д.ю.н., профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН (главный редактор)

Туманова Анастасия Сергеевна, д.ю.н., д.и.н., профессор, профессор

Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

(заместитель главного редактора, ответственный редактор номера)

Брэдли Джозеф, доктор истории, профессор истории Университета Талсы (Оклахома, США)

Галас Марина Леонидовна, д.и.н., профессор, главный научный сотрудник

Института проблем эффективного государства и гражданского общества

Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Демичев Алексей Андреевич, д.ю.н., профессор, профессор Нижегородской академии МВД России

Дискин Иосиф Евгеньевич, д.э.н., профессор Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики»

Бекман Йохан, доктор общественно-политических наук, доцент криминологии

и социологии права, представитель Российского института стратегических исследований

в странах Северной Европы (Финляндия)

Тодд Лефко, доктор истории, профессор Университета Миннесоты, политик, бизнесмен (США)

Малахов Валерий Петрович, д.ю.н., профессор, начальник кафедры теории государства и права

Московского университета МВД России

Медушевский Андрей Николаевич, д.ф.н., профессор, профессор

Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Мезаннев Матье, доктор права, профессор, заместитель декана факультета «Право и экономика»

Государственного университета Реюньона (Франция)

Мерсиянова Ирина Владимировна, к.с.н., доцент, директор

Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора

Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Нижник Надежда Степановна, д.ю.н., профессор,

профессор кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России

Панарин Андрей Александрович, д.э.н., Президент Некоммерческого партнерства

«Образовательный консорциум «Среднерусский университет»

Попов Евгений Васильевич, к.ю.н. (кафедра гражданского общества МГИМО — Университета)

Попова Екатерина Владимировна, к.ю.н. (кафедра гражданского общества МГИМО — Университета)

Саломатин Алексей Юрьевич, д.ю.н., д.и.н., профессор, профессор Пензенского университета

Сафонов Александр Александрович, д.ю.н., профессор, профессор

Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Сигапов Константин Елизарович, д.ю.н., доцент, директор Центра правового регулирования

финансово-экономических отношений Института проблем эффективного государства и гражданского

общества Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Смит Дэвид Хортон, профессор социологии Бостон Колледжа (США), почетный гостевой

профессор социологии университета Восточной Англии, почетный гостевой профессор НИУ ВШЭ

и Университета Цинхуа (Китай)

Соловьев Кирилл Андреевич, д.и.н., доцент

Шаблинский Илья Георгиевич, д.ю.н., профессор, профессор

Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Шульга Руслан Юрьевич, к.ю.н. (кафедра гражданского общества МГИМО — Университета)

Центр редакционной подписки: (495) 617-18-88

e-mail: podpiska@lawinfo.ru

Адрес редакции: 115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

Тел./факс: (495) 953-91-08, e-mail: avtor@lawinfo.ru

Подписной индекс:

«Объединенный каталог» — 91889.

Также можно подписаться на www.gazety.ru

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, п. Северный, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37

Формат 60x90/8. Печ. л. 6. Печать офсетная.

Общий тираж: 1000 экз. Цена свободная. ISSN 2221-3287

Номер подписан в печать: 15.04.2018.

Номер вышел в свет: 20.06.2018.

Зарубежный опыт становления гражданских институтов

Антропова Н.А., Антропов Р.В.

Юридическое образование в Германии:

позитивный опыт 3

Нижник Н.С., Лавринович К.И.

Институты гражданского общества —

основа создания правового государства

в Финляндии 10

Околеснова О.А. «Открытая Япония»,

или Путь электронного самурая 15

Глебова В.К. Механизм легитимации

позитивного права в трудах

Юргена Хабермаса 19

Гражданское общество и его институты в российской традиции: история и современность

Демичев А.А. Пути формирования

гражданского общества в России:

история и современность 22

Почекаев Р.Ю. Обсуждение проекта

Положения об управлении в областях

Туркестанского генерал-губернаторства 1873 г.

на страницах столичной прессы 26

Остапенко А.С. Гражданское общество и власть:

диалог в постиндустриальном информационном

обществе как расширение публичного

пространства демократии 31

Матвеева Е.В., Митин А.А.

Модели взаимодействия неправительственных

правозащитных организаций и уполномоченного

по правам человека в региональном

политическом процессе (на примере

Сибирского федерального округа) 35

Гражданское общество и его институты в правовой и политической мысли

Чечельницкий И.В. Развитие представлений

о справедливости в контексте прав человека 38

Вражнов А.С. Правовой нигилизм —

естественное состояние

современного российского общества 42

Багиров И.Х. Основные критерии

развития правосознания 45

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.
Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

CIVIL SOCIETY IN RUSSIA AND ABROAD

Published quarterly since 2011. Reg. PI № FC77-38716 of January 22, 2010. Founder: Publishing Group «JURIST»

No. 2 / 2018

Published with the participation of the Chair of Civil Society
of MGIMO — University

Chairman of the Editorial Board

Grib Vladislav Valer'evich, head of the Chair of Civil Society of MGIMO-University, Chairman of the Commission of the RF Civic Chamber on public control and interaction with public councils, member of the Presidium of the Association of Lawyers of Russia, Editor in Chief of Publishing Group «JURIST», doctor of juridical sciences, professor

Editor in Chief

Avtonomov Aleksey Stanislavovich, senior researcher of the Institute of State and Law RAS, doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editor in Chief

Tumanova Anastasiya Sergeevna, professor of the National Research University "Higher School of Economics", doctor of juridical sciences, doctor of historical sciences, professor

Members of the Editorial Board

Avtonomov Aleksey Stanislavovich, senior researcher of Institute of State and Law RAS (Editor in Chief), doctor of juridical sciences, professor

Tumanova Anastasiya Sergeevna, professor of the National Research University "Higher School of Economics", doctor of juridical sciences, doctor of historical sciences, professor (Deputy Editor in Chief, Executive Editor)

Bradley Joseph, doctor of history, professor of history of the University of Tulsa (Oklahoma, USA)

Galas Marina Leonidovna, doctor of historical sciences, associate professor, Chief Researcher Institute of Problems of effective state and civil society Financial University under the Government of the Russian Federation

Demichev Aleksey Andreevich, professor of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of juridical sciences, professor

Diskin Iosif Evgen'evich, professor of the National Research University "Higher School of Economics", doctor of economic sciences

Bekman Johan, doctor of political Sciences, associate Professor of criminology and sociology of law, the representative of the Russian Institute for strategic studies in Northern Europe (Finland)

Todd Lefko, doctor of history, professor at the University of Minnesota, politician, businessman (USA)

Malakhov Valerij Petrovich, head of the Chair of Theory of State and Law of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of juridical sciences, professor

Medushevskij Andrej Nikolaevich, professor of the National Research University "Higher School of Economics", doctor of philosophical sciences, professor

Mezencev Mathieu, Deputy Dean of the faculty of "Law and Economics" State University of Reunion, doctor of law, professor (France)

Mersyanova Irina Vladimirovna, director of the Centre for Studies of Civil Society and the noncommercial sector of the National Research University "Higher School of Economics", candidate of sociological sciences, assistant professor

Nizhnik Nadezhda Stepanovna, professor of Department of theory of state and law Saint-Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia, doctor of juridical sciences, professor

Panarin Andrey Aleksandrovich, doctor of economic sciences, President of the Nonprofit partnership «Educational consortium "Mid-Russian University"»

Popov Evgenij Vasil'evich, candidate of juridical sciences (Chair of Civil Society of MGIMO-UNIVERSITY)

Popova Ekaterina Vladimirovna, candidate of juridical sciences (Chair of Civil Society MGIMO-University)

Salomatin Aleksey Yur'evich, professor of Penza University, doctor of juridical sciences, doctor of historical sciences, professor

Safonov Aleksandr Aleksandrovich, professor of the National Research University "Higher School of Economics", doctor of juridical sciences, professor

Sigalov Konstantine Elizarovich, doctor of juridical sciences, associate Professor, Director of the Center of legal regulation of economic and financial relations of the Institute of effective state and civil society, the Financial University under the Government of the Russian Federation

David Horton Smith, Emeritus Professor of sociology, Boston College (USA), honorary guest Professor of sociology at the University of East England, honorary guest Professor at HSE and the University of Tsinghua (China)

Solov'ev Kirill Andreevich, doctor of historical sciences, associate professor

Shablinskij Il'ya Georgievich, professor of the National Research University «Higher School of Economics», doctor of juridical sciences, professor

Shul'ga Ruslan Yur'evich, candidate of juridical sciences (Chair of Civil Society MGIMO-University)

Editorial subscription centre: (495) 617-18-88
e-mail: podpiska@lawinfo.ru

Editorial Office Address:
Bldg. 7 26/55 Kosmodamianskaya Emb., Moscow, 115035.
Tel./fax: (495) 953-91-08, e-mail: avtor@lawinfo.ru

Subscription:
Unified Catalogue — 91889 (half year), www.gazety.ru

Printed by LLC "National Polygraphic Group"

Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.

Tel.: (4842) 70-03-37.

Size: 60x90/8.

Printer's sheet 6. Offset printing.

Circulation: 1000 copies.

Free market price.

ISSN 2221-3287

Passed for printing: 15.04.2018.

issue was published: 20.06.2018.

Foreign Experience of Civil Institution Establishment

Antropova N.A., Antropov R.V.

Legal Education in Germany: Positive Experience 3

Nizhnik N.S., Lavrinovich K.I.

Civil Society Institutions — a Basis for Building
a Law-Governed State in Finland 10

Okolesnova O.A. Open Japan

or an Electronic Samurai Way 15

Glebova V.K. The Positive Law Legitimation

Mechanism in the Works of Jürgen Habermas 19

Civil Society and Its Institutions in the Russian Tradition: History and the Modern Times

Demichev A.A. Ways of Civil Society

Establishment in Russia:
History and the Modern Times 22

Pochekaev R.Yu. A Discussion of the Draft

'Provisions on Governance in the Turkestan
Governorate-General Regions' of 1873
on the Pages of Capital Newspapers 26

Ostapenko A.S. Civil Society and Government:

a Dialogue in the Post-Industrial Informational
Society as Expansion of the Public Space
of Democracy 31

Matveeva E.V., Mitin A.A.

Models of Interaction between
Non-Governmental Right Protection
Organizations and the Commissioner
for Human Rights in a Regional Political Process
(on the Example of the Siberian Federal District) 35

Civil Society and its Institutions in the Legal and Political Thought

Chechel'nitsky I.V. Development of Justice

Concepts within the Framework
of Human Rights 38

Vrazhnov A.S. Legal Nihilism —

a Natural State of the Modern Russian Society 42

Bagirov I.Kh. The Main Legal

Consciousness Development Criteria 45

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science
of the Russian Federation for publication
of basic results of candidate and doctoral theses.

Complete or partial reproduction of materials without written permission of authors
of the articles or the editorial office shall be prosecuted in accordance with law.
The Journal is included in the database of the Russian Science Citation Index

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ГЕРМАНИИ: ПОЗИТИВНЫЙ ОПЫТ*

*Антропова Наталья Анатольевна,
заведующая лингвистической лабораторией
Забайкальского института предпринимательства
Сибирского университета потребительской кооперации,
профессор кафедры европейских языков и лингводидактики
Забайкальского государственного университета,
доктор филологических наук
naantropova@rambler.ru*

*Антропов Роман Владимирович,
заведующий лабораторией контрастивных исследований
немецкой и российской систем права
Забайкальского института предпринимательства
Сибирского университета потребительской кооперации,
доцент кафедры государственного и муниципального права
Забайкальского государственного университета,
кандидат юридических наук
rvantropov@rambler.ru*

В России начались массовые выпуски юристов-бакалавров. Обществу потребуется время, для того чтобы оценить преимущества и недостатки новой формы обучения. Возможно, уже в скором будущем возникнет необходимость коррекции курса по модернизации юридического образования. И здесь может пригодиться опыт Германии, всегда славящейся высоким уровнем подготовки юристов, а сегодня еще и воплощающейся в жизнь диверсификацией в области оказания образовательных услуг. В связи с этим авторами была поставлена цель — изучить современное состояние немецкого юридического образования и обозначить те его преимущества, которые могли бы быть взяты на вооружение в условиях современной России. В основу исследования положены новейшие оригинальные немецкоязычные источники, не переведенные на русский язык, что позволяет внести в отечественную науку новый фактологический материал. Опыт ФРГ может быть взят на вооружение в процессе модернизации отечественной системы подготовки юристов согласно меняющимся реалиям и ее интеграции в международное (прежде всего европейское) образовательное пространство.

***Ключевые слова:** Германия, подготовка юристов, приверженность традициям, диверсификация, инновационная деятельность, эксклюзивные образовательные программы, частное образование, новые формы обучения.*

Legal Education in Germany: Positive Experience

*Antropova Natalya A.
Head of the Linguistic Laboratory of the Transbaikal Institute
of Entrepreneurship of the Siberian University of Consumer Cooperation
Professor of the Department of European Languages and Linguodidactics
of the Transbaikal State University
Doctor of Philology*

*Antropov Roman V.
Head of the Laboratory of Contrastive Research of the German
and Russian Law Systems of the Transbaikal Institute
of Entrepreneurship of the Siberian University
of Consumer Cooperation
Assistant Professor of the Department of State and Municipal Law
of the Transbaikal State University
Candidate of Legal Sciences*

In Russia, mass turn-out of bachelor-lawyers began. The society needs time to assess the advantages and disadvantages of the new form of education. Perhaps in the near future some adjustments will be required to modernize the legal education. And here may be useful experience of Germany, always famous for the high level of lawyers' training, and nowadays for gradually diversification in the field of providing educational services. In this regard, the authors set a goal — to study the current state of German legal education and to identify those of its advantages that could be adopted in the conditions of modern Russia. The research is based on the latest original German-language sources, not translated into Russian, which makes it possible to introduce new factual material into the domestic science. The experience of Germany can be adopted in the process of modernization of the domestic system of legal training in accordance with changing realities and its integration into the international (primarily European) educational space.

***Keywords:** Germany, training of lawyers, adherence to traditions, diversification, innovative activities, exclusive educational programs, private education, new forms of training.*

* Статья рекомендована кафедрой государственного права и правоповедения юридического факультета Забайкальского института предпринимательства Сибирского университета потребительской кооперации.

В России повсеместный переход на «болонскую» систему образования, в том числе юридического, де-факто состоялся, начались массовые выпуски юристов-бакалавров¹. Однако обществу, в первую очередь работодателям, требуется время, для того чтобы оценить преимущества и недостатки новой формы обучения. Возможно, уже в недалеком будущем потребуются определенные коррективы как общего курса по реформированию юридического образования, так и его отдельных составляющих. И здесь, на наш взгляд, опыт Германии, всегда славящейся высоким уровнем подготовки юристов, а сегодня еще и постепенно воплощающейся в жизнь диверсификацией в области оказания образовательных услуг², может весьма пригодиться.

В итоге мы поставили перед собой цель детально изучить современное состояние немецкого юридического образования, объединившего в себе лучшие конструктивные образовательные черты различных исторических эпох, и обозначить те его преимущества, которые, с нашей точки зрения, могли бы быть в той или иной мере взяты на вооружение или хотя бы приняты во внимание в условиях России³. На примере Германии мы попытались также выяснить, насколько возможно сосуществование разных по своей сути образовательных программ и стоит ли отказываться от существовавшей десятилетиями и признанной высокоэффективной как внутри, так и вне страны системы юридического образования (речь идет не о реформировании его отдельных компонентов, а о полном переходе на новые стандарты обучения).

Прежде всего следует отметить, что политический и культурный авторитет Германии обеспечивается высоким уровнем научно-фундаментальных и прикладных исследований, эффективной государственной образовательной политикой и развитой системой образования, заложившей основу процветающей социально ориентированной экономики. Юридическое образование в стране традиционно является государственной прерогативой. Одним из его достоинств является то, что оно своевременно реагирует на

требования времени, этим самым внося свой вклад в развитие страны в целом. Так, в период становления социальной рыночной экономики в 50–60-е гг. XX в. основу обучения юристов и содержания государственных экзаменов составляли дисциплины, касающиеся основ макроэкономики, т.е. учения о народном хозяйстве. Этот опыт, с нашей точки зрения, следует взять на вооружение особенно тем странам, где рыночная экономика находится на стадии становления или первоначального развития.

Следует подчеркнуть, что знание истории становления европейской юриспруденции, изучение системы юридического образования отдельных западных стран не утрачивает своей актуальности и в наши дни. Для России богатейший исторический опыт Германии в части достижения высокого уровня современного юридического образования должен изучаться и при необходимости заимствоваться в целях наращивания собственного потенциала в области подготовки юридических кадров высшей квалификации. Пример тому имеется. В XIX веке, стремясь наверстать упущенное и войти в список стран с наиболее развитой культурой вообще и юридической культурой в частности, Россия имела полезный опыт приобщения к западным академическим ценностям и образовательным традициям. Так, одним из путей проникновения западной правовой культуры в Россию стало получение россиянами высшего образования за границей. Свою роль сыграли и зарубежные поездки россиян с научными целями в университетские Берлина, Лейпцига, Вены и других европейских научных центров. Научные стажировки, особенно молодых исследователей, рассматривались как важнейшее средство образовательно-научной политики Российской империи, а сама тема подготовки профессорских кадров за рубежом поднималась при подготовке «совершенно нового университетского устава» еще в начале XX в.⁴. Так, к началу зимнего семестра 1887/88 учебного года на юридическом факультете Берлинского университета имени Фридриха Вильгельма был открыт Русский семинар по римскому праву с целью подготовки профессорских кадров для России. Семинар стал заключительным этапом проводимых с сентября 1885 г. курсов по обучению педагогов российских университетов преподаванию римского права. С ноября 1887 по март 1896 г. прошли подготовку в области истории и догматики римского права 27 русских подданных, 19 из них затем преподавали римское право в Российской империи вплоть до 1917 г.⁵.

¹ О специфике реформирования российского юридического образования согласно болонским принципам см.: Захарова М.В., Кашкин С.Ю. Институт признания образовательных квалификаций в сфере юриспруденции как элемент взаимодействия правовых систем современного мира и средство развития правовых отношений между Российской Федерацией и Европейским Союзом // Юридическое образование и наука. 2014. № 2. С. 18–21.

² Подробнее об этом см.: Антропова Н.А., Антропов Р.В. К вопросу диверсификации образовательных услуг в сфере немецкого юридического образования // Юридический мир. 2016. № 5. С. 64–68.

³ Здесь следует отметить, что немецкое юридическое образование последовательно изучалось нами от самых его истоков в течение ряда лет, что нашло свое отражение в многочисленных публикациях (рамки статьи не позволяют представить их полный перечень). Данная статья является в некотором роде подведением итогов исследования.

⁴ Зипунникова Н.Н. Правовое регулирование научных стажировок в Российской империи (к характеристике государственной политики в области образования и науки) // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2010. № 3 (24). С. 17–29.

⁵ Kolbinger, F. Das russische Seminar für Römisches Recht bei der juristischen Fakultät der Universität Berlin in den Jahren

Обучение преподавательского корпуса с ориентацией на мировые образовательные стандарты актуально и сейчас, в условиях интеграции высшего профессионального образования, «болонизации» и интернационализации высшей школы.

Следование новым ориентирам не должно, однако, идти вразрез с принципом преемственности накопленного национального опыта. Долговечность немецкого классического юридического образования объясняется, на наш взгляд, в значительной степени как раз тем, что в его основе лежат проверенные веками национальные традиции и академические ценности, закрепленные нормативными актами. Традиции классического юридического образования, заложенные Пруссией (занимавшей большей частью восточные территории Германской империи), обрели на территории бывшей ГДР (в так называемых «новых землях») после воссоединения двух немецких государств вторую жизнь. Германия от них не отказывается и сегодня, и это, на наш взгляд, большой плюс. Может быть, стоило и нам оставить подготовку дипломированных специалистов для нужд системы правосудия и высших органов государственного управления как параллельную форму юридического образования, сделав его более солидным и практико-ориентированным.

Систему немецкого юридического образования от образовательных систем многих других стран, в том числе Российской Федерации, отличает «двухфазовость» подготовки юристов, преимущество которой, на наш взгляд, состоит в том, что она предполагает очень солидную практическую составляющую при подготовке высококвалифицированных юристов для профессиональной деятельности в качестве судьи, прокурора, адвоката и нотариуса. Речь идет о двухгодичной подготовительной службе, которая следует после сдачи первого государственного экзамена (по завершении университетского обучения) и заканчивается вторым государственным экзаменом. Подготовительная служба в обязательном порядке включает службу в суде, прокуратуре, административных органах власти и адвокатуре. Срок службы в каждой инстанции должен составлять минимально три месяца, а в адвокатуре — 9 месяцев (по настоятельному требованию коллегий адвокатов, недовольных прежней системой подготовки выпускников). Площадка, относящаяся к адвокатуре, по усмотрению земель может предусматривать трехмесячную службу в нотариате, на предприятии, в объединениях или других местах, где осуществляется полноценная адвокатская деятельность. Подобная обширная практическая подготовка невозможна, с нашей точки зрения, при краткосрочном обучении бакалавров, но была бы весьма к месту при автономной подготовке

дипломированных специалистов, которые готовились бы целенаправленно для профессиональной деятельности в системе правосудия и в высших органах государственной власти.

Наличие двух государственных экзаменов в значительной степени усложняет получение юридического образования в Германии (речь идет о таких социально значимых профессиях, как судья, прокурор, нотариус или адвокат), а с другой стороны, значительно повышает его качественный уровень. Ничто не является лучшим доказательством этого, чем время. Вспомним хотя бы попытку перейти к однофазовой модели подготовки юристов (речь идет об эксперименте, осуществленном в 70–80-е годы XX в.), которая в итоге ознаменовалась возвратом к старой модели.

Заслуживает внимания и то, что сегодня в немецком юридическом образовании гораздо больший вес придается подготовке выпускников к адвокатской деятельности. Однако не только в Германии, но и в России преобладающая часть выпускников-юристов находит применение своим силам на адвокатском поприще. В связи с этим, наверное, стоило бы так же, как и в Германии, усилить подготовку будущих юристов к адвокатской профессии, например, за счет введения обязательной практики в адвокатуре, дополнительных учебных дисциплин или соответствующего профиля даже в рамках бакалавриата. Идеальным вариантом было бы введение специальности «Адвокатская деятельность» наряду с существующей специальностью «Правоохранительная деятельность». Достоинно подражания и то, что в Германии на адвоката, курирующего выпускника во время стажировки или практики, сегодня в законном порядке возлагается большая, чем раньше, ответственность; гораздо активнее коллегии адвокатов стали участвовать в обучении студентов и референдариев (стажеров). Прочное место среди адвокатских инициатив занимает организация профессионально ориентированных кружков или иных студенческих сообществ.

Стоит, на наш взгляд, обратить особое внимание и на поворот системы образования в сторону целенаправленной подготовки юристов для экономической сферы, поскольку востребованность рынка труда в юристах, знающих специфику деятельности предприятия (микроэкономику), достаточно высокая не только в Германии, но и в любой другой стране. Сегодня, на наш взгляд, целесообразно было бы ввести в рамках направления «Юриспруденция» профиль «Экономист предприятия», как это сделал Университет г. Мангейма, приобретя этим самым международную известность и значительно увеличив свою конкурентоспособность на рынке образовательных услуг⁶.

1887–1896: Inaugural-Diss. zur Erlangung der Doktorwürde. München, 2004.

⁶ Подробнее об этом см.: Антропов Р.В., Антропова Н.А. Революционные и инновационные формы подготовки юристов в Германии в свете реализации Болонских со-

Университет Мангейма славится еще и тем, что он очень живо реагирует на потребности экономики, осваивая новые образовательные программы бакалавриата и магистратуры. Так, с 2017 года он открыл набор студентов на новую (эксклюзивную) междисциплинарную магистерскую образовательную программу на стыке права, экономики и техники «Конкурентно-регулятивное право». Этим самым выпускникам открываются новые перспективы трудоустройства за пределами классических юридических профессий в отраслях будущего, таких как энергетика, цифровые технологии, медицина, СМИ и т.п. Здесь стоит упомянуть и эксклюзивную магистерскую программу *Vicerius Master of Law and Business* Высшей школы права им. Буцериуса, которая готовит юристов для бизнеса, предлагая дополнительное обучение по микроэкономике⁷. Программа длится всего один год, является полностью англоязычной и аккредитуется через FIBAA (Международное агентство по аккредитации и экспертизе качества высшего образования), получая так называемую «печать качества». Высшая школа права им. Буцериуса повышает свой имидж и тем, что сотрудничает с другими авторитетными образовательными центрами при подготовке юристов для бизнеса. Так, выпускникам, прошедшим дополнительную подготовку, выдается сертификат хорошо известной в Германии и за ее пределами Школы менеджмента Отто Байсхайма, которая была основана (как университет) в 1984 г. «бизнес-сообществом для бизнес-сообщества». Говоря об «экономикоцентрированном» юридическом образовании, можно обратиться и к опыту Восточной Германии, которая широко практиковала раздельную подготовку юристов для юстиции и для экономики⁸. Там пошли еще дальше, узаконив специализацию вузов в подготовке юристов для различных сфер профессиональной деятельности (в Берлине готовили судей, адвокатов и нотариусов, в Йене — прокуроров и таможенников, в Галле и Лейпциге — юристов-экономистов). Полагаем, немецкий опыт вполне может быть учтен при формировании отечественных ФГОСов новых поколений по направлению подготовки «Юриспруденция» (бакалавриат, магистратура). Заметим, что вопрос оптимизации ФГОСа ВО обсуждался на заседании общего собрания членов

Ассоциации юридического образования в марте 2016 г.⁹. Мнения совпали в том, что система юридического образования, как и любая другая образовательная система, должна непрерывно подвергаться экспертизе, и при необходимости — модернизироваться.

Большую ценность для нас представляет и опыт Германии по созданию частных вузов, занимающихся в том числе подготовкой юристов. В нашей стране в 2015 г. была даже создана по приказу министра образования и науки (от 3 апреля 2015 г. № 357) рабочая группа по вопросам деятельности частных образовательных организаций высшего образования Российской Федерации. Приказом, в частности, предусматривалась разработка целого комплекса мероприятий, направленных на повышение эффективности деятельности частных образовательных организаций, улучшение качества предоставляемых ими услуг, усиление их конкурентоспособности на отечественном и международном рынках. Для того чтобы справиться с поставленными задачами, не стоит, на наш взгляд, идти по пути «проб и ошибок», а целесообразно обратиться к прогрессивному зарубежному опыту. Так, условиями успешной деятельности частных вузов в Германии среди прочего считают: плотные и действенные контакты с зарубежными партнерами, развитие культурно-образовательного обмена преподавателей и студентов, привлечение зарубежных специалистов к учебному процессу. Заметим, что данный стимул (международное сотрудничество России с другими странами в сфере образования) инициирован Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» как один из главных приоритетов российской государственной политики¹⁰.

Большой интерес как для немцев, так и для иностранных граждан представляют немецкие образовательные программы с международной ориентацией. Так, большой популярностью пользуется бакалаврская программа *Jura Plus* Высшей школы права им. Буцериуса, предусматривающая обязательную пятимесячную стажировку за границей и глубокое изучение иностранных языков. Вызывают интерес и так называемые «летние программы» этого вуза, предназначенные для студентов-юристов старших курсов и недавних выпускников (в том числе вузов-партнеров), желающих углубить свои познания в области международного права. Университет им. Иоганна Гутенберга г. Майнца земли Рейнланд-Пфальц предлагает эксклюзивную магистерскую программу для

глашений (на примере университета Мангейма // *Юридическое образование и наука*. 2016. № 4. С. 21–24.

⁷ Подробнее об этом см.: Антропов Р.В., Антропова Н.А. Особенности частного сектора системы юридического образования в Германии (на примере Высшей школы права им. Буцериуса в Гамбурге) // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2016. № 9. С. 51–56.

⁸ Антропова Н.А., Антропов Р.В. Формирование и эволюция системы подготовки юристов в Восточной Германии как антипода западной образовательной модели // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2017. № 6. С. 54–59.

⁹ Мазаева Н.Н., Свистунов А.А., Шенгелия Г.А. О решении общего собрания членов Ассоциации юридического образования от 22 марта 2016 года // *Юридическое образование и наука*. 2016. № 2. С. 8–10.

¹⁰ По этому вопросу см.: Аюпджанова М.О. Международно-правовое сотрудничество России и других стран в сфере образования // *Юридическое образование и наука*. 2015. № 2. С. 22–25.

юристов-иностранцев, которая предоставляет возможность всего за один год и три месяца постигнуть особенности немецкой правовой системы и получить диплом магистра права.

Увеличению конкурентоспособности на рынке образовательных услуг способствует инновационная деятельность вузов по самым разным направлениям. И здесь есть, что перенять у немецких коллег. Так, факультет права и экономики упомянутого выше университета г. Мангейма при посредничестве национальных и международных научных сообществ создал Мангеймский центр по вопросам конкуренции и инноваций, где студенты и сотрудники занимаются актуальными научными исследованиями в области конкурентной политики, правового регулирования и инновационной деятельности. Центр является инициатором проведения Мангеймского форума по вопросам конкурентной политики, который стал притягательной сетевой платформой для дискуссии между исследователями и практиками, работающими в различных государственных и негосударственных структурах. Также в упомянутой уже Высшей школе права им. Буцериуса успешно функционирует целый ряд научно-исследовательских институтов и центров, которые занимаются важнейшими для развития страны исследованиями, в частности: Институт предпринимательского права и права рынка долгосрочного кредитования, Нотариально-правовой центр семейного бизнеса, Центр права и политики в области транснациональных компаний, обработки информации, медиа и технологий, Центр безопасности и права, Центр изучения общего и личностного развития и др. Здесь же в ответ на потребности общества создаются инициативные группы по исследованию актуальных проблем в области правовой политики. Так, в настоящее время одна такая группа занимается правовыми вопросами европеизации немецкого энергетического хозяйства, другая — правовыми аспектами современной немецкой медицины (которая быстро и успешно развивается). Что касается новшеств, то Университет Виадрина, например, предложил инновационную модель поиска работы для студентов, выпускников и научных работников университета. Речь идет о собственном Портале рабочих мест, который был запущен совместно с общегерманской вузовской онлайн-биржей труда. Этот портал не только помогает вхождению в профессию, но и существенно облегчает поиск мест практик, в том числе с целью выполнения ВКР. Этот же университет известен своей эксклюзивной системой наставничества (нем. Viadrina Mentoring für Studentinnen), которая действует на базе Карьера-центра и ориентирована на обучающихся женского пола (особенно актуальна для иностранных студенток).

Если рассматривать различные формы обучения юристов, то весьма эффективной нам

представляется такая давно апробированная на юридических факультетах форма, как совместное обучение в рабочих группах (нем. Ausbildung in Arbeitsgemeinschaften), типа работы в кружках. Перевод немецкого термина лишь приблизительный, поскольку в словарях нет русскоязычного эквивалента, точно передающего сущность этого явления. Данная форма обучения практикуется на всех этапах подготовки юристов, включая подготовительную службу. Она, являясь дополнением к лекционным и семинарским занятиям, предполагает более детальное совместное изучение правовых вопросов в группе под руководством преподавателя или студента-старшекурсника. Акцент делается на правоприменительной практике. Численность группы не превышает, как правило, 20 человек. Оптимальным считается вариант, когда руководителями групп являются юристы-практики (как правило, судьи или адвокаты) или, в случае необходимости, другие лица (социологи, психологи, политологи и т.п.). Для осуществления учебной деятельности руководителям групп снижают трудовую нагрузку по месту работы и, как правило, оплачивают руководство.

Что касается нововведений, то в Университете Виадрина стали практиковать чтение легкодоступных для понимания так называемых лекций во время ланча (например, на тему «Как писать научные опусы»), которые, кстати сказать, оказались очень популярными в студенческой среде. Заслуживает внимания и инициатива Высшей школы права им. Буцериуса по созданию в вузе одной из новаторских структур — Центра изучения права, который занимается вопросами подготовки обучающихся к государственному экзамену. На базе центра в малых группах изучается материал, непосредственно относящийся к содержанию государственного экзамена, осуществляется пробное выполнение клаузур (письменных экзаменационных работ) в условиях, приближенных к реальным. Работы затем проверяются корректорами центра. Данная форма работы сопровождается так называемыми тандем-курсами, суть которых состоит во взаимной корректировке студентами выполненных ими клаузур (результаты затем обсуждаются при участии специалиста-корректора). Консультационные услуги студентам оказывает Клаузур-клиника, созданная при центре. Целенаправленная (в том числе психологическая) подготовка обучающихся осуществляется и путем имитации реальных условий сдачи устного государственного экзамена. Высшая школа права им. Буцериуса придает большое значение проведению внеучебных мероприятий, направленных на развитие личности обучающихся как будущих профессионалов. Так, она регулярно приглашает юристов и предпринимателей на подиум-дискуссию, организует экскурсии к потенциальным работодателям. Ежегодно проводится «ярмарка

выпускников», во время которой происходит обмен информацией и устанавливаются контакты между выпускниками разных лет и обучающимися.

Особое место в немецких вузах отводится внедрению в учебный процесс так называемых moot courts — игровых судебных процессов. Речь идет о моделировании судебного заседания (часто на основе реальных событий или резонансных дел), к выступлению на котором в качестве истца и ответчика студенты заранее готовят меморандумы (состязательные бумаги, представляемые сторонами в спорах), а затем представляют свои позиции во время «устных» раундов — дебатов. В форме игровых судебных процессов проводится большое количество конкурсов (соревнований) разного уровня, от международных, типа Vis Moot и Jessup Moot, до университетских. Похвально то, что отдельные российские вузы начали принимать участие в международных состязаниях (одним из первых был СПбГУ), однако подобную практику, на наш взгляд, следует практиковать на всех уровнях, в первую очередь на межвузовском, с целью вовлечения большего числа обучающихся.

Немецкий опыт будет весьма полезен и при организации образовательного процесса в вузах на основе зачетных единиц, при формировании внутривузовской системы управления качеством образования, а также при обеспечении трудоустройства выпускников-бакалавров в российских реалиях. На примере немецких высших учебных заведений российские университеты и институты смогут оценить собственные образовательные стратегии и оптимизировать реализацию программы подготовки юристов в системе высшего образования.

Положительные черты в организации юридического образования в Германии видятся нами в следующем: это основательность и качественность обучения, предоставление обучающимся большой самостоятельности и права выбора в подготовке себя к будущей профессиональной деятельности, объективность контроля знаний и широкая открытость теоретическому и практическому исследованию национального, европейского и международного правового пространства. Наблюдается рост академической мобильности обучающихся, которая осуществляется в разных формах (освоение определенных модулей в зарубежном вузе, обучение по основной образовательной программе за рубежом, продолжение обучения в магистратуре в зарубежном вузе и т.п.). Для нас интерес представляет не очень затратная для российских вузов так называемая «мозаичная стратегия» (нем. Patchwork-Strategie), которая заключается в

индивидуальном или коллективном посещении выборочных образовательных мероприятий за рубежом.

И что самое главное: Болонский процесс привел Германию к немыслимой прежде диверсификации юридического образования посредством введения разных по своему содержанию образовательных программ, что, в свою очередь, привело и к дифференциации юридических факультетов. Сама жизнь инициировала непростой и довольно длительный процесс «разгосударствления, дерегулирования, либерализации, приватизации, плюрализации и специализации немецкого юридического образования»¹¹.

Поступательное развитие современной российской высшей школы связано с процессами ее модернизации и интеграции в общеевропейское образовательное пространство, одной из целей которых является создание реальных условий для карьерной самореализации наших граждан не только на отечественном, но и международном рынке труда. Данная цель может быть достигнута в том числе посредством разработки механизмов адаптации лучшей зарубежной практики к российским условиям, чему, в свою очередь, будет способствовать изучение промежуточных и конечных результатов интегрирования образовательных систем европейских стран в общеевропейскую систему посредством «болонизации».

Опыт ФРГ, равно как и других государств, может и должен быть взят на вооружение при преодолении проблем интеграции российской образовательной системы в общеевропейское образовательное пространство (в качестве примера можно назвать неготовность значительной части российской вузов выступать равноправным партнером в европейских образовательных программах). И мы уверены в том, что приумножим традиции российского юридического образования, насчитывающего почти триста лет, лишь тогда, когда, будучи полноправным участником международных движений и организаций, Россия, поднимая свой международный престиж, осмотрительно переймет необходимые ей показательные образовательные успехи на интернациональной арене и тем самым создаст все предпосылки для своего продвижения на тернистом пути интеграции, унификации и стандартизации высшей школы.

¹¹ Martinek, M. Der Eurojurist — Zum Paradigmenwechsel in der deutschen Juristenausbildung vom national-staatlichen Justizjuristen zum kosmopolitischen Rechtsmanager // Ritsumeikan Law Review. 2013. No. 30. P. 203–222.

Литература

1. Акопджанова М.О. Международно-правовое сотрудничество России и других стран в сфере образования / М.О. Акопджанова // Юридическое образование и наука. 2015. № 2. С. 22–25.
2. Антропов Р.В. Особенности частного сектора системы юридического образования в Германии (на примере Высшей школы права им. Буцериуса в Гамбурге) / Р.В. Антропов, Н.А. Антропова // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 9. С. 51–56.

3. Антропов Р.В. Революционные и инновационные формы подготовки юристов в Германии в свете реализации Болонских соглашений (на примере университета Мангейма) / Р.В. Антропов, Н.А. Антропова // Юридическое образование и наука. 2016. № 4. С. 21–24.
4. Антропова Н.А. К вопросу диверсификации образовательных услуг в сфере немецкого юридического образования / Н.А. Антропова, Р.В. Антропов // Юридический мир. 2016. № 5. С. 64–68.
5. Антропова Н.А. Формирование и эволюция системы подготовки юристов в Восточной Германии как антипода западной образовательной модели / Н.А. Антропова, Р.В. Антропов // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 6. С. 54–59.
6. Захарова М.В. Институт признания образовательных квалификаций в сфере юриспруденции как элемент взаимодействия правовых систем современного мира и средство развития правовых отношений между Российской Федерацией и Европейским Союзом / М.В. Захарова, С.Ю. Кашкин // Юридическое образование и наука. 2014. № 2. С. 18–21.
7. Зипунникова Н.Н. Правовое регулирование научных стажировок в Российской империи (к характеристике государственной политики в области образования и науки) / Н.Н. Зипунникова // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2010. № 3 (24). С. 17–29.
8. Мазаева Н.Н. О решениях общего собрания членов Ассоциации юридического образования от 22 марта 2016 года / Н.Н. Мазаева, А.А. Свистунов, Г.А. Шенгелиа // Юридическое образование и наука. 2016. № 2. С. 8–10.
9. Kolbinger, F. Das russische Seminar für Römisches Recht bei der juristischen Fakultät der Universität Berlin in den Jahren 1887–1896 : Inaugural-Diss. ... dokt. / F. Kolbinger. München, 2004. 414 p.
10. Martinek, M. Der Eurojurist — Zum Paradigmenwechsel in der deutschen Juristenausbildung vom national-staatlichen Justizjuristen zum kosmopolitischen Rechtsmanager / M. Martinek // Ritsumeikan Law Review. 2013. No. 30. P. 203–222.

**НАЦИОНАЛЬНАЯ
ПОЛИГРАФИЧЕСКАЯ
ГРУППА**

(4842) 70-03-37

буклеты • визитки • листовки • постеры
календари • журналы • книги • брошюры

ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА — ОСНОВА СОЗДАНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В ФИНЛЯНДИИ*

*Нижник Надежда Степановна,
начальник кафедры теории государства и права
Санкт-Петербургского университета
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
n.nishnik@bk.ru*

*Лавринович Кирилл Игоревич,
адъюнкт кафедры теории государства и права
Санкт-Петербургского университета
Министерства внутренних дел Российской Федерации
toric@mail.ru*

В статье охарактеризованы институты гражданского общества, сформировавшиеся на территории Финляндии на различных этапах ее исторического развития. Дана периодизация становления и развития гражданского общества в Финляндии. Охарактеризованы добровольные организации, действующие на территории всего государства и имеющие местное значение. Перечислены направления деятельности институтов гражданского общества, составляющих в Финляндской Республике важную часть политической системы общества.

Ключевые слова: гражданское общество, правовое государство, Финляндия, институты гражданского общества, добровольные организации, ассоциации, некоммерческие организации.

Civil Society Institutions – a Basis for Building a Law-Governed State in Finland

*Nizhnik Nadezhda S.
Head of the Department of Theory of State and Law
of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia
Doctor of Law
Professor*

*Lavrinovich Kirill I.
Junior Scientific Assistant of the Department of Theory of State
and Law of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia*

The article characterizes civil society institutions established in Finland on various stages of its historical development. The authors give the periods of civil society establishment and development in Finland; characterize voluntary organizations acting throughout the country and playing a local role; list the areas of activities of the civil society institutions constituting an important part of the political system of the society in the Republic of Finland.

Keywords: civil society, law-governed state, Finland, civil society institutions, voluntary organizations, associations, non-commercial organizations.

Поиск оптимальных моделей взаимоотношений государства, общества и личности — атрибут современности. В начале XXI в. государства сталкиваются с множеством различных проблем, разрешение которых становится возможным только при активном участии гражданского общества¹. Особую зна-

чимость взаимодействие государства и гражданского общества приобретает в странах, целенаправленно формирующих правовое государство².

¹ Туманова А.С. Гражданское общество Российской империи в дискурсе авторитетных академических дискуссий: теория вопроса // Гражданское общество в России и за рубежом. 2017. № 2. С. 17; Nizhnik, N.S. Police and civil society institutions: search for a vector of interaction in the field of combating crime // International Scientific Conference "Archibald Reiss Days" (2017; Beograd): Thematic Conference

Proceedings of International Significance. Vol. 2. Beograd : Kriminalističko-policijska akademija, 2017. P. 242–243.

² Сафонов А.А. Проблемы теории гражданского общества и практики его реализации в современной России // Гражданское общество в России и за рубежом. 2016. № 4. С. 13; Lavrinovich, K.I. The specifics of the implementation of the law enforcement function of the modern state based on the rule of law (on the example of the Russian Federation) // International Scientific Conference "Archibald Reiss Days" (2017; Beograd): Thematic Conference Proceedings of

* Статья выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-03-00719 «Модели правового обеспечения функционирования общественных организаций в политико-правовой системе России (последняя треть XVIII — первая треть XX вв.)».

Конституция Финляндской Республики (1999 г.) провозгласила Финляндию правовым государством (§ 2 гл. I) и закрепила положения, отражающие возможность формирования правового государства: государственная власть в Финляндии принадлежит народу; народовластие предполагает право личности на участие в развитии общества и своего жизненного окружения, оказание влияния на такое развитие; публичная власть осуществляет свои полномочия на основе принципов разделения властей и законности; в регулировании общественной жизни провозглашается верховенство права³.

Основой государства в Финляндии провозглашено независимое гражданское общество. Политические свободы: свобода слова, свобода проведения собраний и создания общественных организаций, свобода совести, а также всеобъемлющие права человека объявлены неприкосновенными⁴. Констатируется наличие в Финляндии развитого гражданского общества и системы его институтов, которые представляют собой эффективный инструмент регулирования общественных процессов, происходящих в стране.

Гражданское общество современной Финляндии в институциональном контексте — это обособленная в рамках негосударственных общественных организаций активная часть финского общества, существующая в рамках общих интересов и ценностей, таких как доверие, согласие и открытость. Для характеристики современного состояния финского гражданского общества справедливым полагаем утверждение профессора кафедры теории права и сравнительного правоведения, ведущего научного сотрудника Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ «Высшая школа экономики» А.С. Тумановой о том, что «институциональным стержнем гражданского общества, его сердцевиной служат объединения, не стремящиеся к извлечению из своей деятельности коммерческой прибыли, а избравшие ее предметом общественно полезные задачи (просвещение и социальное обеспечение, развитие медицины, науки и культуры и др.). Важными характеристиками ассоциаций и создаваемого ими пространства, именуемого публичной сферой, являются добровольность объединения, наличие доверия между членами, приверженность их общей системе ценностей, а также самостоятельности и самоорганизации»⁵.

История становления и развития гражданского общества Финляндской Республики тесно связана с историей государства. Активная деятельность

граждан в рамках общественных организаций, политических партий и профсоюзов значительно повлияла на интеллектуальное, духовное и экономическое состояние населения и развитие всей страны в целом.

Истоки самоорганизации граждан в Финляндии восходят к концу XVIII в., когда вдохновленные идеями эпохи Просвещения и Великой французской революции буржуазия и средний класс начали требовать перераспределения социальных прав и обязанностей: равенства всех перед законом и отмену льгот, характерных для классового общества⁶.

В становлении и развитии гражданского общества в Финляндии можно выделить несколько периодов:

1) «гражданское пробуждение» (XIX в.): предоставление Великому княжеству Финляндскому определенной самостоятельности способствовало росту экономической активности населения и развитию торговли, формированию финской интеллигенции, распространению финской печати, появлению начальных школ, библиотек и книжных клубов;

2) развитие гражданского общества в начале XX в. (до 1917 г.): активизация рабочего движения и появление Финской федерации профсоюзов; создание новых ассоциаций граждан; контроль за созданием самостоятельных организаций со стороны государственной власти, ограничение и запрет деятельности левых профсоюзов и организаций;

3) развитие гражданского общества в первой половине XX в. (1917 — вторая половина 1940-х гг.): рост самоорганизации граждан в условиях провозглашения независимости Финляндии, принятия Конституции Финляндии и избрания президента суверенной страны;

4) развитие гражданского общества Финляндии после Второй мировой войны (конец 1940-х гг. — конец 1970-х гг.): рост значения общественных объединений и ассоциаций в условиях поднятия национального духа; формирование новых принципов взаимодействия властных государственных структур и институтов гражданского общества; появление лоббистских организаций; формирование разнообразных ассоциаций, разрешающих проблемы защиты корпоративных и частных интересов;

5) период «гражданского общества постмодернистской Финляндии»⁷ (конец 1970-х гг. — настоящее время): проникновение в менталитет финского народа западных идеалов индивидуализма; спад активности граждан и интереса к общественной жизни; ослабевание традиционно сильной связи между общественными организациями и политическими движениями; уменьшение количества членов крупных объединений; рост небольших организаций по интересам; акцентирование внимания на досуговых, спортивных, культурных и экологических организациях;

International Significance. Vol. 2. Beograd : Kriminalističko-policijska akademija, 2017. P. 262–263.

³ Suomen perustuslaki. URL: <http://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/1999/19990731> (дата обращения: 31.03.2018).

⁴ URL: <https://finland.fi/ru/zhizn-i-obshhestvo/effektivnaya-finskaya-demokratiya-nuzhn/> (дата обращения: 22.03.2018).

⁵ Туманова А. С. Концепции гражданского общества западных обществоведов XX века // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. № 1. С. 15.

⁶ Kun edustajat eivät riitä — Kansalaistoiminnan opas. Helsinki : WSOY, 1989. P. 21.

⁷ Harju, A. Yhteisellä asialla. Kansalaistoiminta ja sen haasteet. Vantaa : Kansanvalistusseura, 2003. P. 23.

рост интереса людей к своей собственной жизни, нашедший выражение в стремлении граждан к самообразованию, изучению языков, вниманию к своему психическому и физическому здоровью⁸.

Процессы формирования гражданского общества Финляндской Республики в рамках правового государства были бы невозможны без соответствующего уровня правосознания, должного статуса правовых ценностей финской государственности. Институты гражданского общества, занимающие важное место в общественной жизни финнов, функционирующие в интересах различных социальных слоев, многочисленны и многообразны. К институтам гражданского общества в Финляндии относят все общественные организации, функционирующие не ради прибыли. В зависимости от сферы деятельности организаций элементами (институтами) системы современного финского гражданского общества считают: спортивные клубы и организации; культурные ассоциации; общественные организации отдыха и хобби; социальные и медицинские общественные организации; молодежные организации и студенческие сообщества; политические организации; профсоюзы; экономические и производственные объединения; консалтинговые организации; религиозные и идеологические объединения; педагогические, научные и учебные организации; экологические ассоциации; пенсионерские и ветеранские организации; сельские и местные организации; миротворческие организации и организации национальной защиты; сообщества дружбы, этнические организации и организации сотрудничества в целях развития; сервисные организации.

Организации рынка труда, отстаивающие интересы работников и работодателей, могут легальными путями оказывать влияние на формирование законов и бюджета. Средства массовой информации, являющиеся неотъемлемой частью гражданского общества, играют центральную роль в качестве наблюдателя на политической арене⁹. Государственная власть не может ограничивать деятельность прессы или манипулировать ею¹⁰.

Общественная деятельность финнов осуществляется либо в рамках организаций и ассоциаций, либо спонтанно. Гражданская активность в Финляндии разнообразна. Формы организации и цели обществ могут быть весьма различны: от местной футбольной команды до международного религиозного объединения, от кружка любителей слушать птичье пение до организации волонтеров, помогающих инвалидам и старикам. Граждане активно взаимодействуют со своими друзьями, знакомыми, соседями и коллегами, помогают друг другу, следят за состоянием улиц, дворов, парков, организуют совместные мероприятия, праздники и демонстрации, собирают деньги с благотворительными целями, проводят детские и школьные экскурсии, формируют волонтерские отряды и самостоятельно планируют их деятельность. Молодые люди активно взаимодействуют в новой операционной среде — Интернете и социальных сетях. Существовая без каких-либо закрепленных организационных или официальных правил, символические и интеллектуальные сообщества выступают в качестве примера гражданской деятельности современной Финляндии. Деятельность общественных организаций оказывает влияние на формирование имиджа Финляндии на международной арене¹¹.

Создание добровольного общества в Финляндии сложности не представляет: нужно лишь собрать не менее трех человек, решивших реализовать свои общегражданские задачи, которые не должны противоречить основам добропорядочности и действующему законодательству. Запрещено создание военизированных обществ, которые требуют от своих членов полного подчинения или разделения по вооруженным группам. Главной целью добровольного общества не должно быть получение прибыли. Деньги зарабатывать можно, но это не должно быть главным направлением деятельности общества. Необходимо разработать устав общества и утвердить его на учредительном собрании. При таких условиях общество можно зарегистрировать, но и незарегистрированное общество может действовать, не являясь юридическим лицом.

«Соберите трех финнов — знаете, что они сделают первым делом? Создадут какую-нибудь ассоциацию», — шутя, характеризует особенности национального менталитета Ааро Харью, генеральный секретарь финской организации «Гражданский форум», которая поддерживает культурные, социальные и образовательные проекты в по всей стране¹². Он уверен, что «Финляндия — идеальный инкубатор для различного рода НКО, гражданских инициатив и гражданского общества в целом»¹³. Прежде всего потому, что в отношении негосударственных образо-

⁸ См.: Narju, A. Op. cit.; Мейнандер Х. История Финляндии: линии, структуры, переломные моменты / пер. со швед. М.: Весь Мир, 2008; Юссилла О., Хентила С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии, 1809–2009 / пер.: Т.В. Андросова, Ю.С. Дерябин. М.: Весь Мир, 2010; Туманова А.С. Правовая культура общества позднеимперской России в ракурсе историко-юридических исследований: подходы последних лет // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2014. № 4. С. 33–40.

⁹ См.: Гольденцвайг Г.Д. Шведоязычные масс-медиа Финляндии: генезис и направления развития : дис. ... канд. филол. наук. М., 2003; Галкина М.Ю. Особенности региональной газетной периодики Финляндии : дис. ... канд. филол. наук. М., 2008; Петрова В.В. Взаимодействие аудитории и СМИ в условиях развития медиасистемы Финляндии: середина 1990-х — 2000-е гг. : дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.

¹⁰ URL: <https://finland.fi/ru/zhizn-i-obshhestvo/effektivnaya-finskaya-demokratiya-nuzhn/> (дата обращения: 31.03.2018).

¹¹ Саблина М.А. Имидж современного государства в российском политологическом дискурсе: на примере Финляндии : дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2014.

¹² URL: <http://eu.kommersant.ru/helsinki> (дата обращения: 31.03.2018).

¹³ Там же.

ваний в Финляндии принято довольно либеральное законодательство; во-вторых, общественные организации могут получить доступ к государственному финансированию, даже если они критически настроены по отношению к власти (наиболее значимый источник финансирования — национальная лотерея); в-третьих, некоммерческие организации пользуются значительным влиянием в обществе и принимают активное участие в законодательной деятельности и тематических парламентских дебатах. «Ты можешь быть политически активным, продвигать какой-то проект, и ни тебе, ни твоей семье никто не будет угрожать», — констатирует Риитта Салин, представляющая сеть мультикультурных ассоциаций Moniheli¹⁴.

Ааро Харью считает, что «парниковые» условия для НКО в Финляндии связаны с уровнем развития демократии и образования, с традиционной свободой собраний и с тем фактом, что многие ведущие политики Финляндии — выходцы не столько из партийной системы, сколько как раз из местечковых организаций. Исследования ученых подтверждают наличие тенденции децентрализации в политическом процессе¹⁵, укрепление которой в Финляндии во многом связано с активностью граждан во всех уголках страны. В политической системе современной Финляндии важное место приобретают диаспоры¹⁶. Общественность принимает участие в решении социально значимых вопросов, в частности в противодействии коррупции¹⁷.

Некоторые виды общественной деятельности находятся в поле зрения государства, другие остаются незамеченными без придания им публичности. В силу своей природы некоторые виды спонтанной общественной деятельности людей не охватываются статистикой, и точные цифры о ее объемах сложны для анализа. Даже специально разработанные опросы не смогли поспособствовать получению точных цифр в связи с различными подходами со стороны респондентов к пониманию того, что можно отнести к такого рода деятельности.

Общественная деятельность, осуществляемая в рамках организаций, поддается учету. В настоящее время Регистр ассоциаций Финляндской Республики насчитывает 120 тыс. организаций, 70 тыс. из которых ведут активную деятельность. Существует около 1 тыс. национальных и 3 тыс. региональных организаций, остальные относятся к местным. Около 30 тыс. общественных организаций, функционирующих на территории страны, не

прошли процедуру регистрации, которая носит необязательный характер, и не были включены в регистр. Учитывая, что население страны составляет около 5,5 млн жителей¹⁸, приведенные выше цифры являются значительными для Финляндской Республики.

Добровольные общества в своем составе насчитывают около 15 млн человек, что превышает численность населения в три раза¹⁹. Примерно 75% финского населения становятся членами какой-либо ассоциации в течение своей жизни. Около 30% финнов — это члены одного какого-то общественного объединения или ассоциации, в то время как 8% жителей страны являются членами более пяти такого рода организаций.

Кроме гражданских и общественных организаций в структуру гражданского общества Финляндии входят различные фонды, корпорации, политические партии, а также институты самообразования взрослых. В настоящее время в структуре гражданского общества Финляндии функционируют около 2,7 тыс. фондов и 1,2 тыс. малых корпораций, более 6 тыс. человек являются членами политических партий, а местные организации насчитывают в своем составе около 360 тыс. членов.

Существующая система самообразования взрослых представляет собой систему образовательных центров, народных университетов, исследовательских центров, спортивных образовательных центров и летних университетов. Рассчитанный объем неформального образования взрослых составляет около 35 тыс. студентов в год, а число отдельных актов участия в образовательной деятельности — около 1,5 млн человек²⁰.

В числе действующих добровольных обществ и общешляндские, и местные. Так, женское общество «Марты» действует на территории всего государства, имеет свои отделения в различных городах и районах Финляндии. Отделение в Туомиле было создано в 1958 г. с целью «поддержать друг в друге оптимизм, взаимную поддержку и взаимопомощь в любой жизненной ситуации»²¹. Уже несколько поколений женщин встречаются несколько раз в месяц, с тем чтобы поделиться опытом разрешения жизненных проблем и секретами ведения домашнего хозяйства. Женщины в своем обществе изучают иностранные языки, учатся пользоваться гаджетами, занимаются живописью и рукоделием, вместе совершают туристические поездки, посещают театр и концерты.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Ланко Д.А. Децентрализация в политическом процессе: на примере Финляндии : дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2001.

¹⁶ Рябинина О.К. Роль и место диаспор в политической системе современной Финляндии : дис. ... канд. полит. наук. М., 2010.

¹⁷ Семьинин А.С. Противодействие политической коррупции политико-правовыми средствами в государствах Евросоюза: опыт Финляндии и Эстонии : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2009.

¹⁸ International Monetary Fund. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2015/02/weodata/weorept.aspx?sy=2013&ey=2020&scsm=1&ssd=1&sort=country&ds=.&br=1&pr1.x=21&pr1.y=10&c=172%2C936&s=LP&grp=0&a=#cs1> (дата обращения: 10.02.2018).

¹⁹ Jääskeläinen H. Developing Stakeholder Communication in a Non-Profit Organization. Helsinki : Haaga-Helia University of Applied Sciences, 2013. P. 1.

²⁰ Kansalaisyhteiskunta. URL: <http://www.kansalaisyhteiskunta.fi/> (дата обращения: 07.01.2018).

²¹ URL: <http://www.kauppatie.com/2013/06-2013/rus-7.shtml> (дата обращения: 31.03.2018).

Общество «Визио» — общефинляндская учебная сеть, культурно-образовательный союз зеленых, возникший как вспомогательная организация партии зеленых и объединяющий сегодня более двух десятков самостоятельных учебных организаций в разных городах страны. «Визио» занимается пропагандой природоохранной деятельности (прежде всего пропагандой охраны лесов), ведет образовательные программы, осуществляет методическую подготовку руководителей общественных организаций, издательскую деятельность, принимает участие в международных экологических и природоохранных проектах.

Ассоциация «Общество миролюбия» действует и на территории всей Финляндии, и в других странах (в США, Канаде, Эквадоре, Кении), определяя своей целью возвращение к истокам христианства в форме раннего лютеранства со строгими пуританскими нормами жизни в труде, без алкоголя и греховных зрелищных развлечений. В Финляндии действуют почти две сотни организаций ассоциации «Общество миролюбия». Важной формой работы ассоциации являются собрания, на которых ведутся беседы с верующими и осуществляются проповеди. Летние общефинляндские собрания объединяют несколько тысяч участников ассоциации и традиционно превращаются в массовые зрелищные мероприятия²².

Большая часть добровольных обществ действует в маленьких поселках или городских районах. Местные ассоциации, группы самопомощи и общества обладают возможностью в максимальной степени учитывать интересы и потребности населения на местах. Они становятся местом объединения активных людей, центром культурной и общественной жизни на конкретной территории²³.

²² URL: <http://www.suvisurat.fi/2013/ru/> (дата обращения: 03.04.2018).

²³ URL: <http://www.kauppatie.com/2013/06-2013/rus-7.shtml> (дата обращения: 31.03.2018).

В современной Финляндии сложилась система институтов гражданского общества, которые активно участвуют в реализации различных функций государства, в том числе и правоохранительной²⁴. Миротворческие организации, организации национальной защиты, общественная деятельность по оказанию соседской помощи, волонтерская деятельность и другие виды деятельности в совокупности с социально ориентированным и открытым характером деятельности полиции позволяют говорить о развитом гражданском обществе как отличительной особенности финского правового государства.

Количество и разнообразие общественных организаций, функционирующих в настоящее время в Финляндии, выводят страну на лидирующие позиции по уровню гражданской активности и волонтерской деятельности. Осуществляя деятельность практически во всех сферах общественной и государственной жизни, институты гражданского общества Финляндии оперативно реагируют на различного рода изменения, происходящие в стране и мире. Добровольные общества, отражающие общие интересы, дух сотрудничества, взаимопомощи и солидарности, создают неполитическую и некоммерческую базу устойчивости общества, поддерживают в людях чувства доверия друг к другу, стабильности и уверенности. Институты гражданского общества являются важным средством реализации общественных, корпоративных и частных интересов лиц с активной гражданской позицией.

²⁴ Чеишвили М.В. Полиция Финляндии: организационно-правовые основы деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001; Чеглаков К.В. Становление полиции Финляндии и развитие правовых основ ее деятельности в начале XIX — середине XX вв.: историко-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003.

Литература

1. Галкина М.Ю. Особенности региональной газетной периодики Финляндии : дис. ... канд. филол. наук / М.Ю. Галкина. М., 2008. 192 с.
2. Гольденцвайг Г.Д. Шведоязычные масс-медиа Финляндии: генезис и направления развития : дис. ... канд. филол. наук / Г.Д. Гольденцвайг. М., 2003. 272 с.
3. Ланко Д.А. Децентрализация в политическом процессе: на примере Финляндии : дис. ... канд. полит. наук / Д.А. Ланко. СПб., 2001. 156 с.
4. Мейнандер Х. История Финляндии: линии, структуры, переломные моменты / пер. со швед. ; Х. Мейнандер. М. : Весь Мир, 2008. 237 с.
5. Петрова В.В. Взаимодействие аудитории и СМИ в условиях развития медиасистемы Финляндии: середина 1990-х — 2000-е гг. : дис. ... канд. филол. наук / В.В. Петрова. М., 2010. 171 с.
6. Рябинина О.К. Роль и место диаспор в политической системе современной Финляндии : дис. ... канд. полит. наук / О.К. Рябинина. М., 2010. 172 с.
7. Саблина М.А. Имидж современного государства в российском политологическом дискурсе: на примере Финляндии : дис. ... канд. полит. наук / М.А. Саблина. СПб., 2014. 183 с.
8. Сафонов А.А. Проблемы теории гражданского общества и практики его реализации в современной России / А.А. Сафонов // Гражданское общество в России и за рубежом. 2016. № 4. С. 11–15.
9. Семьнин А.С. Противодействие политической коррупции политико-правовыми средствами в государствах Евросоюза: опыт Финляндии и Эстонии : дис. ... канд. юрид. наук / А.С. Семьнин. Казань, 2009. 216 с.
10. Туманова А.С. Гражданское общество Российской империи в дискурсе авторитетных академических дискуссий: теория вопроса / А.С. Туманова // Гражданское общество в России и за рубежом. 2017. № 2. С. 12–18.

11. Туманова А.С. Концепции гражданского общества западных обществоведов XX века / А.С. Туманова // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. № 1. С. 10–15.
12. Туманова А.С. Правовая культура общества позднимперской России в ракурсе историко-юридических исследований: подходы последних лет / А.С. Туманова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2014. № 4. С. 33–40.
13. Чеглаков К.В. Становление полиции Финляндии и развитие правовых основ ее деятельности в начале XIX — середине XX вв.: историко-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук / К.В. Чеглаков. СПб., 2003. 188 с.
14. Чеишвили М.В. Полиция Финляндии: организационно-правовые основы деятельности : дис. ... канд. юрид. наук / М.В. Чеишвили. М., 2001. 132 с.
15. Юссилла О. Политическая история Финляндии, 1809–2009 / О. Юссилла, С. Хентила, Ю. Невакиви ; пер. : Т.В. Андросова, Ю.С. Дерябин. М. : Весь Мир, 2010. 471 с.
16. Harju, A. Yhteisellä asialla. Kansalaistoiminta ja sen haasteet / A. Harju. Vantaa : Kansanvalistusseura, 2003.
17. Jääskeläinen, H. Developing Stakeholder Communication in a Non-Profit Organization / H. Jääskeläinen. Helsinki : Haaga-Helia University of Applied Sciences, 2013.
18. Lavrinovich, K.I. The specifics of the implementation of the law enforcement function of the modern state based on the rule of law (on the example of the Russian Federation) / K.I. Lavrinovich // Archibald Reiss Days: Thematic Conference Proceedings of International Significance (Beograd, 2017). Vol. 2. Beograd : Kriminalističko-policijska akademija, 2017. P. 261–267.
19. Nizhnik, N.S. Police and civil society institutions: search for a vector of interaction in the field of combating crime / N.S. Nizhnik // Archibald Reiss Days: Thematic Conference Proceedings of International Significance (Beograd, 2017). Vol. 2. Beograd : Kriminalističko-policijska akademija, 2017. P. 241–251.

«ОТКРЫТАЯ ЯПОНИЯ», ИЛИ ПУТЬ ЭЛЕКТРОННОГО САМУРАЯ

Околеснова Ольга Алексеевна,
научный сотрудник Научно-методического центра
«Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву и другим правам
интеллектуальной собственности» Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ),
кандидат юридических наук
 ookolesnova@hse.ru

В поисках путей модернизации публичного управления в России необходимо изучение зарубежного опыта и успешных проектов государств-соседей. Нестандартными примерами полны страны азиатского горизонта. В системах права этих стран сильны узы обычаев, при этом есть смелость в поисках путей развития и реформирования. Так, сохраняя верность традициям, в Японии понимали необходимость учитывать новые веяния в подходе к государственному управлению. Модернизация государственного управления в Японии базируется на доверии граждан к государственному аппарату, а также смелости реформаторов предложить новые формы организации управления. Основные направления модернизации в Японии — это технологическое, пропагандистское, кадровое и нормативно-правовое обеспечение электронного правительства. В Японии национальные условия и традиции, которые на первый взгляд должны были тормозить развитие процесса модернизации, на деле просто изменили акцент перемен и при всех рисках во многом обеспечили успех проводимых реформ. Адаптация к национальным особенностям, доверие граждан к власти и обратная вера управленческого аппарата своему народу, а также расчетливость и скрупулезность японцев должны послужить примером развития электронной демократии в нашей стране.

Ключевые слова: право, модернизация, традиции, открытое правительство, информация, информационные технологии, электронное правительство, электронное государство, азиатская модель, государственное управление.

Open Japan or an Electronic Samurai Way

Okolesnova Olga A.
Research Scientist of the UNESCO Chair on Copyright and Other Intellectual Property Rights,
Research and Methodology Center, of the National Research University
"Higher School of Economics" (NRU HSE)
Candidate of Legal Sciences

Foreign experience and successful projects of the states neighbors is necessary to be research in modernization of public management in Russia. Good examples we can find in Asian horizon. In systems of the right of these countries bonds of customs are strong, at the same time there is a courage in search of ways of development and reforming. So, remaining faithful to traditions, Japan understood need to consider new trends in approach to public administration. Modernization of public administration in Japan is based on trust of citizens to government, and also courage of reformers to offer new forms of the organization of management. The main directions of modernization in Japan technological, propaganda, personnel and standard legal support of e-government. In Japan national conditions have just changed accent of changes and at all risks have in many respects provided success of the undertaken reforms. Adaptation to national peculiarities, trust of citizens to the power and the return belief of administrative

personnel to the people, and also a thrift and scrupulousness of Japanese have to serve as an example of development electronic to democracy in our country.

Keywords: law, modernization, traditions, open government, information, information technology, e-government, electronic state, the Asian model, governmental management.

Модернизация государственного управления в каждой стране должна строиться путями, максимально близкими по духу к менталитету населения. Только подобная схема может хотя бы частично гарантировать успешность запланированных реформ. Особенности азиатского направления, во многом непонятные европейцам, при глубоком анализе могут не только раскрыться по-новому, но и открыть механизмы модернизации, которые можно переложить на отечественный мотив и успешно продвигать и в России.

Одним из характерных примеров азиатского пути развития государственного управления является Япония. В сфере государственного управления важнейшей японской инновацией стала идеология открытого правительства: сегодня в стране создается административный канал, где концентрируется вся информация о работе органов государственного управления, доступ к которой не запрещен законодательно, с тем чтобы все граждане могли следить за работой чиновников и контролировать их действия и решения¹.

В рамках административной реформы по совершенствованию государственного управления, начатой в Японии еще в 1994 г., были разработаны и внедрены меры, имеющие целью сделать работу правительственных учреждений прозрачной. Так, было признано необходимым работу правительственных учреждений сделать более доступной для всего населения. С этой целью принят закон об открытости информации. Любое физическое или юридическое лицо получило право требовать от административного органа власти документы или другую информацию, находящиеся в его распоряжении. Для того чтобы исключить необоснованный отказ, при Кабинете министров Японии учрежден Комитет по оценке открытости информации, которому поручено рассмотрение жалоб по этому вопросу². Граждане получили право требовать, а органы государственной власти обрели обязанность предоставлять любому заинтересованному пользователю официальную информацию о работе должностных лиц и учреждений.

Ранее трудно было получить информацию в письменном или электронном виде о регламентирующих актах министерств, поскольку они относились к так называемой сфере серой литературы, распространение и издание которой имело определенные ограничения. Доступ к ним был открыт только для избранных, а информация, преимущественно устно

передаваемая в рамках так называемых вертикальных групп, от чиновников министерств к исторически связанным с ними компаниям, нередко искажалась. Так, многие частные компании вынуждены были нанимать ушедших в отставку государственных чиновников высшего эшелона для сбора необходимой информации³.

Это стало первым шагом в запуске принципиально нового подхода к организации государственного управления в Японии. Сохраняя верность традициям, японцы понимали, что необходимы новые веяния в подходе к государственному управлению. Решение непростой задачи облачить устоявшуюся конструкцию публичного управления в принципиально новую форму подачи было найдено в программе электронного правительства.

Программа электронного правительства является одним из направлений реализации правительственной стратегии обеспечения безраздельного господства Японии на мировом рынке разработки и производства IT-продукции и высокотехнологичных услуг. Главные внутренние цели проекта, в соответствии со стратегиями Министерства экономики, торговли и промышленности, Министерства финансов и секретариата кабинета министров, могут быть сформулированы следующим образом:

- системное (в первую очередь структурное) реформирование сферы производства и продажи информационных технологий;
- реклама и стимулирование спроса на продукцию IT-промышленности;
- увеличение доступности государственных услуг для населения;
- обеспечение экономии в сфере государственного администрирования;
- повышение эффективности работы органов государственного управления;
- снятие значительной части бюрократических барьеров и упрощение административных процедур для граждан и бизнеса;
- реформирование органов местного самоуправления; построение единой государственно-муниципальной системы оказания услуг для понижения их стоимости, роста эффективности и обеспечения сочетаемости⁴.

Именно эти предпосылки стали спусковым механизмом в запуске программы электронного правительства в Японии.

Япония, предоставив миру первые теории о возникновении информационного общества, дав понятия информатизации и информационной индустрии,

¹ Ефимов А.А. Электронное правительство Японии в контексте внутренней и внешней политики государства // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2015. № 3. С. 101–107.

² Савинцева М.И. Развитие информационного законодательства и информационного общества в Японии // Современное право. 2017. № 2. С. 107–112.

³ Михайлов А.А. Развитие коммуникационно-информационной технологии в Японии: проблемы и достижения // Япония. 1998–1999: Ежегодник. М., 1999. С. 157.

⁴ Ефимов А.А. Указ. соч.

оказалась далеко не в лидирующем положении в сфере обеспечения законодательной базы в связи с использованием информационных технологий⁵. Это стало основным вызовом при реализации программы электронного правительства в Японии.

Следует отметить, что шагу в сторону новой концепции публичного управления в Японии во многом способствовало мнение научного сообщества. Участники проходившей в 1998 г. в Токио конференции по информационно-телекоммуникационным системам Японии отметили, что главными причинами замедленного роста индустрии страны являются:

- недостаточно быстрое и гибкое реагирование законодательной и административно-бюрократической систем на стремительный рост отрасли;
- запаздывание соответствующих законов;
- ограниченный доступ населения к информации об административных правилах и актам;
- «непрозрачность» административных постановлений⁶.

Схожая ситуация и проблемы наблюдаются сейчас и в России.

Официально программа внедрения электронных технологий в идеологию и практику управления в Японии берет свое начало в марте 2001 г. Тогда была принята программа «317 шагов», предусматривающая прохождение ряда этапов: 2001 г. — e-Japan, 2003 г. — e-Japan 2, 2006 г. — IT, 2010 г. — i-Japan и т.д., вплоть до 2055 г., когда Япония, в соответствии с реализуемым сегодня замыслом правительства, должна стать абсолютным лидером в сфере развития ИТ-технологий для всего мира. Программа определяет электронное правительство как «способ предоставления информации и оказания уже сформировавшегося набора государственных услуг гражданам, бизнесу, другим ветвям государственной власти и государственным чиновникам, при котором личное взаимодействие между государством и заявителем минимизировано и максимально возможно используются информационные технологии»⁷.

В основу электронного правительства в Японии положена комплексная компьютерная система электронного документооборота, реализованная на новейших телекоммуникационных технологиях, обеспечивающая единую информационную среду для функционирования государственных органов. В Японии широко применяются электронные технологии при предоставлении государственных услуг⁸.

Для облегчения доступа населения к информации и процедуре подачи заявлений в электронном

виде создан правительственный портал e-Gov (www.e-gov.go.jp) под эгидой Министерства внутренних дел и коммуникаций Японии. Портал содержит раздел «Об административных процедурах», соответствующую поисковую систему, нормативно-правовой раздел, раздел для онлайн-доступа к процедурам государственных закупок, размещению заказов, обнародованию результатов конкурсов и т.д.⁹.

Помимо этого, свою эффективность показали и технологические решения, на базе которых строится концепция электронного правительства. Они непрерывно обновляются, разработка и внедрение все более совершенных из них сопровождает каждый новый этап работы над управленческой концепцией.

Кроме технологического и пропагандистского направлений правительство развивало кадровое и нормативно-правовое обеспечение электронного правительства. Был подготовлен и принят ряд важнейших законов и регламентов, в частности, правила электронного предпринимательства и торговли, значительно облегчившие переход взаимодействия коммерческих партнеров в виртуальное пространство; разрабатывалась и совершенствовалась правовая база самого электронного правительства. Кадровое направление было связано с обучением, переподготовкой и повышением квалификации работников государственного и муниципального управления, образования, руководителей крупнейших коммерческих структур, предприятий и банков с целью подготовить их к квалифицированному труду в виртуальном пространстве цифровой эпохи.

В настоящее время в Японии в полной мере реализуется программа «Электронное правительство», направленная на улучшение электронного оборота документов между органами государственной власти и предоставление гражданам органами государственной власти административных услуг и информации о своей деятельности посредством Интернета и информационно-телекоммуникационных технологий¹⁰. Опыт Японии по формированию информационно-телекоммуникационной индустрии, использованию и построению передового информационно-телекоммуникационного общества уникален по нескольким причинам. Во-первых, правительство четко контролировало разработку и реализацию стратегий государственных программ по использованию информационных технологий в стране. Во-вторых, Япония уже к 2006 г. стала одной из ведущих стран в мире по использованию информационных технологий и созданию информационного общества. В-третьих, Япония является примером гармоничной

⁵ Савинцева М.И. Указ. соч.

⁶ Михайлов А.А. Указ. соч. С. 157.

⁷ Снитко А. E-Money. E-Government Япония [Токио, 06/2010] // FastForward. URL: <http://fforward.biz/visits/118-e-money-e-government/> (дата обращения: 24.01.2018).

⁸ Электронное правительство в Японии. URL: <http://www.bagalau.kz/ru/evaluation-system/world/i4183> (дата обращения: 22.03.2018).

⁹ О сервисах взаимодействия граждан с органами государственной власти при помощи электронных технологий в Японии. URL: gseok.ru/doc/law_jp.doc (дата обращения: 22.03.2018).

¹⁰ Савинцева М.И. Информационное общество и основы правового регулирования и развития информационно-телекоммуникационной индустрии в Японии // Япония. Ежегодник. 2008. № 37. С. 126–147.

«адаптации общей информационной концепции к национальным условиям»¹¹.

Что особенно интересно, в Японии эти самые национальные условия и традиции, которые на первый взгляд должны были тормозить развитие процесса модернизации, на деле просто изменили акцент перемен и при всех рисках во многом обеспечили успех проводимых реформ.

В Японии специфика правительственных стереотипов во многом обусловлена традиционными особенностями взаимоотношений граждан и государства. С одной стороны, можно с уверенностью сказать, что в Японии сформировано демократическое и социально ориентированное государство. С другой стороны, традиционализм и консерватизм представляют собой базовые компоненты сознания рядовых граждан. Верность традициям в политическом сознании японцев сопровождается уважением к власти и недоверием к переменам, японское гражданское общество в целом отличается пассивностью и конвенциональностью, а доминирующими и наиболее популярными идеологиями являются консерватизм и неоконсерватизм¹².

Радикальные преобразования неприемлемы для политической культуры Японии, а глубокое реформирование основ политической, экономической или социальной жизни всегда носит вынужденный характер. Японцы сохраняют приверженность политике своего государства, она, как правило, не подлежит критике со стороны рядовых граждан. Легитимность власти, содержания и характера отношений между гражданами и государством в Японии также не принято ставить под сомнение¹³.

Эти особенности политической культуры Японии создают поразительный прецедент исключительно японского феномена: отсутствие легального гражданского протеста, совпадение главных позиций общественного мнения с официальной политической доктриной является одним из ключевых признаков японской демократии.

Такое поведение граждан в Японии и их отношение к правовой системе и праву чуждо для европейского или американского правосознания, но традиционно для японцев и отражает менталитет японского общества. Это, скорее всего, и послужило причиной утверждения, что у японских граждан нет правосознания. В стране распространен общий принцип правового регулирования, который, возможно, наиболее развит, по сравнению с другими странами,

и который требует определять правом только то, что не может быть сбалансировано иными социальными регуляторами, например, моралью, общепринятыми представлениями людей о должном¹⁴.

Истоки коллективного сознания японцев уходят в глубину веков, связанных с тотальным внедрением буддизма. Современные японцы отдают должное традиционным ценностям и не забывают оказывать уважение старшим по возрасту и положению¹⁵.

Особенностью внедрения информационных технологий в процесс государственного управления в Японии является тот факт, что, в отличие от традиционных систем демократии с их стремлением к открытости, в качестве первостепенных задач системы управления в Японии ставятся экономия ресурсов и оптимизация трудозатрат. При этом фактически не идет речь о повышении доверия граждан к государственной власти в целом — его уровень изначально недостаточен для проведения в жизнь необходимых правительству политических решений. Но открытость как механизм все равно положен в основу модернизации государственного управления.

Изучение азиатского опыта развития публичного управления и его модернизации посредством внедрения информационных технологий во многом ценно для отечественного реформатора. Во-первых, основной вывод, который можно сделать, глядя на восточного соседа, — не всегда успешные схемы, проведенные в одной стране, идеально подойдут в другой. Лишь адаптация к национальным особенностям даст хотя бы малые гарантии на успех. Во-вторых, изначально недоверие граждан в нашей стране к государственному аппарату делает в их глазах все правовые начинания и реформы изначально неэффективными или, что еще страшнее, изначально вредными для общества. Попытка хотя бы на один шаг приблизиться к ходу мыслей японцев поможет народу России попробовать исходить из того, что в основе идеи модернизации лежит прежде всего улучшение и без доверия населения никакие улучшения невозможны, даже при самом сильном государственном аппарате. В-третьих, умение японцев рассчитывать издержки и риски проектов, которое было положено в основу программы электронного правительства, безусловно должно стать примером для нашего реформатора, — четкий прогноз, к чему все это приведет, пойдет на пользу проекту и в техническом смысле, и с точки зрения повышения доверия граждан.

¹¹ Воронежский Э.С. Анализ потенциала России в мировой информационной экономике : дис. ... канд. экон. наук. М., 2000. С. 64.

¹² Ефимов А. А. Указ. соч.

¹³ Шарко М.В. Опыт построения гражданского общества в Японии // Представительная власть — XXI век. 2007. № 6. С. 24–27.

¹⁴ Еремин В.Н. Правовое регулирование деятельности СМИ в Японии // Япония мнимая и реальная : сб. лекций по японистике. М., 2002. С. 152.

¹⁵ Шарко М.В. Японский опыт построения гражданского общества // Национальные интересы : [онлайн-версия]. 2007. № 1. URL: http://www.ni-journal.ru/archive/2007/n_1_2007/047b308a/d458bbf7/cf3010f2/index.htm (дата обращения: 23.01.2018).

Литература

1. Воронежский Э.С. Анализ потенциала России в мировой информационной экономике : дис. ... канд. экон. наук / Э.С. Воронежский. М., 2000. 231 с.

2. Еремин В.Н. Правовое регулирование деятельности СМИ в Японии / В.Н. Еремин // Япония мнимая и реальная : сборник лекций по японистике, прочитанных на факультете журналистики МГУ / под ред. Я.Н. Засурского. М., 2002. С. 152.
3. Ефимов А.А. Электронное правительство Японии в контексте внутренней и внешней политики государства / А.А. Ефимов // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2015. № 3. С. 101–107.
4. Михайлов А.А. Развитие коммуникационно-информационной технологии в Японии: проблемы и достижения / А.А. Михайлов // Япония 1998–1999: Ежегодник. 1999. С. 150–163.
5. Савинцева М.И. Информационное общество и основы правового регулирования и развития информационно-телекоммуникационной индустрии в Японии / М.И. Савинцева // Япония 2008. Ежегодник. 2008. № 37. С. 126–147.
6. Савинцева М.И. Развитие информационного законодательства и информационного общества в Японии / М.И. Савинцева // Современное право. 2017. № 2. С. 107–112.
7. Снитко А. E-Money. E-Government Японии [Токио, 06/2010] // FastForward. URL: <http://forward.biz/visits/118-e-money-e-government/> (дата обращения: 24.01.2018).
8. Шарко М.В. Опыт построения гражданского общества в Японии / М. Шарко // Представительная власть — XXI век. 2007. № 6. С. 24–27.
9. Шарко М.В. Японский опыт построения гражданского общества // Национальные интересы. 2007. № 1. URL: http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:AOQUMYeTxeKJ:www.ni-journal.ru/archive/2007/n_1_2007/047b308a/d458bbf7/cf3010f2/%3Fprint%3D1+%&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru (дата обращения: 23.01.2018).

МЕХАНИЗМ ЛЕГИТИМАЦИИ ПОЗИТИВНОГО ПРАВА В ТРУДАХ ЮРГЕНА ХАБЕРМАСА

*Глебова Валерия Константиновна,
аспирант кафедры теории государства и права,
международного права и сравнительного правоведения
Воронежского государственного университета
wreath1210@rambler.ru*

В данной статье раскрывается сущность взглядов немецкого ученого Юргена Хабермаса на процесс легитимации. Рассматриваются способы и основные пути достижения легитимности правовых норм.

Ключевые слова: Ю. Хабермас, позитивное право, легитимность правовых норм, легитимность, теория дискурса, дискурс, теория права, коммуникативная теория.

The Positive Law Legitimation Mechanism in the Works of Jürgen Habermas

*Glebova Valeria K.
Postgraduate Student of the Department of Theory of State and Law,
International Law and Comparative Legal Studies of the Voronezh State University*

This article reveals the essence of the views of the German scientist Jürgen Habermas on the process of legitimization. The ways and main ways to achieve the legitimacy of legal norms are considered.

Keywords: J. Habermas, positive law, legitimacy of legal norms, legitimacy, discourse theory, discourse, theory of law, communicative theory.

Одной из важнейших проблем в юридической науке является вопрос об эффективности правового регулирования. Рассматривая позитивное право в качестве одного из возможных способов воздействия на качество общественных отношений, следует принимать во внимание тот факт, что эффективность и восприятие позитивного права неразрывно связаны с легитимностью правовых норм. Отрицание тех или иных правовых норм сознанием граждан приводит к нарушению указанных выше норм. Что в дальнейшем ведет к возникновению тех или иных кризисных моментов в обществе. Для эффективного функционирования правовых норм в обществе обязательным условием становится должное признание актуальности содержания этих норм гражданами. Кроме того,

гражданам необходимо осознавать связь содержания правовых норм с имеющимися моральными ценностями общества, видеть определенную интеграцию права и иных социальных регуляторов. Основная идея заключается в том, что существование правовых норм в обществе не должно быть обусловлено исключительно страхом наказания, так как это никогда не приводит к осознанному достижению желаемых целей.

В современном обществе прослеживается такая тенденция, что большинство вопросов, относящихся к легитимации права в обществе, реализуется без должного учета изменений общества.

Юрген Хабермас отмечает необходимым консенсуальное обоснование истинности и актуальности

правовых норм. Ученый делает акцент на том, что легитимность должна опираться на рациональный дискурс — «с помощью процедур и коммуникационных предпосылок, определяющих, что, кроме обладания законно приданной им организационной формы, они основываются еще и на мысли, что процессы создания и применения права ведут к рациональным результатам»¹.

Немецкий ученый приходит к выводу, что установление права как такового неразрывно связано с легитимностью генезиса права, имеющего рациональный характер. Здесь следует учитывать следующие важные аспекты — фактическое одобрение, силу и рациональное признание. «Легитимность закона не зависит от его фактического применения»². С помощью этого умозаключения раскрывается сущность утверждения, что легитимность, помимо прочих аспектов, должна измеряться в прагматическом, этическом и моральном измерениях жизни общества. Кроме того, Юрген Хабермас акцентирует внимание на том, что правовой порядок не в каждом случае может и должен гарантировать полное признание прав отдельного гражданина другими лицами в полной мере. Взаимное признание прав должно осуществляться таким образом, чтобы свобода выбора каждого гражданина могла беспрепятственно сосуществовать и взаимодействовать с правами, возможностями и свободой остальных³.

Юрген Хабермас обозначает дискурс как наиболее эффективный и рациональный способ взаимодействия, который может и должен быть учтен и использован при достижении легитимации тех или иных правовых норм. Для ученого существует неразрывная связь между понятием разума и социальным общением. В своих трудах он четко обозначает принципиально важные аспекты, соблюдение которых является основополагающим в рациональном дискурсе:

- вовлечение максимального числа заинтересованных участников. Здесь важным является тот факт, что нельзя беспричинно отказать никому из желающих поучаствовать в дискуссии;

- все участники имеют равные права на выражение своего мнения. Позиции и интересы всех участников имеют изначально равную ценность, которая может меняться только под воздействием актуальных аргументов;

- запрет на применение какого-либо принуждения в адрес участников дискурса. Это еще раз подчеркивает важность аргументации участников и указывает на то, что при достижении искомого результата учитывается именно качество и актуальность приводимых аргументов.

Юрген Хабермас подчеркивает результативность и приемлемость, в рамках рассматриваемого

вопроса, только такой коммуникации, когда все участники дискурса искренне настроены на взаимопонимание и ориентированы на достижение общего результата⁴.

По мнению ученого, право формируется по принципу дискурса, а значит, и его легитимация должна происходить в сфере коммуникативного разума. Юрген Хабермас отмечает прямую зависимость правовых норм и их легитимности от того, как происходит правотворчество, как происходит обсуждение и утверждение (принятие) той или иной нормы. Здесь важная роль отдается процедуре коммуникации с использованием актуальных и адекватных аргументов, с учетом интересов граждан, а также что с помощью дискурса можно выработать наиболее эффективные и разумные правовые нормы, которые послужат в целях объединения людей в обществе. Совокупность этих умозаключений ученый вкладывает в понятие «процедуральная правовая парадигма»⁵. Юрген Хабермас выражает определенные сомнения и даже отрицание относительно необходимости связывать развитие современного права исключительно с систематикой права и формальными методами, которые наиболее характерны в сфере юриспруденции. Напротив, он больше обращает внимание на моральное сознание людей, связанное с переменами в этической рационализации современного состояния общества.

Он выделяет три основных понятия, присущих современной системе права: позитивность, формальность и легализм⁶. В данном контексте позитивность правовых норм подразумевает не только установление их законодателем, но и возможность их пересмотра и видоизменения, при наличии такой необходимости. Легализм здесь характеризуется прежде всего договорным (коммуникативным) согласием. Формализм в свою очередь призван разграничить материальные и процессуальные правовые нормы⁷.

Автор отмечает также и то, что в современном обществе любые правовые нормы должны иметь непосредственное обоснование актуальности, обращение исключительно к авторитету традиций недопустимо. «Благодаря модели договора, на основании которой все члены правового сообщества как изначально свободные и равные партнеры регулируют свою жизнь посредством разумного взвешивания своих интересов, современные теоретики естественного права удовлетворяют требованию процедурного обоснования права, то есть обоснования исходя из принципов, значимость которых, в свою очередь, может быть подвергнута критике»⁸.

⁴ Хабермас Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории. М., 2001. С. 115–116.

⁵ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995. С. 204.

⁶ Хабермас Ю. Рационализация права и диагноз современности // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 3. С. 137–138.

⁷ Там же. С. 145.

⁸ Там же. С. 148.

¹ Хабермас Ю. Между фактами и нормами. Кембридж: MIT Пресс, 1996. С. 414.

² Там же. С. 30.

³ Там же. С. 31–32.

Сформированная Юргеном Хабермасом «процедуральная парадигма» рассматривается исключительно в связке с понятием демократии, а также в определенных аспектах совершенствует те или иные демократические процедуры. В связи с этим ученый предлагает собственную модель демократии — делиберативную, которая включает в себя синтез положительных качеств либеральной и республиканской демократий. В рамках делиберативной демократии основной ценностью является свобода и равенство граждан, которые самостоятельно, в ходе рациональной коммуникации, определяют курс своей социальной жизни. Особое внимание уделяется тому, что основой всего является коммуникация, цель которой — урегулирование конфликтных отношений по вопросам ценностей и интересов каждого. А также соотношение интересов отдельных граждан — с целью определения общего блага, учитывая рациональные аргументы, моральное обоснование и юридическую составляющую⁹.

Одним из пунктов в рамках данной теории ученый старается сформировать «идеальную процедуру» принятия решений, которая будет включать в себя обеспечение внутренней связи между отдельно взятыми дискурсами¹⁰.

Здесь предполагается изменение привычного монологизма на коммуникативный и диалогичный процесс правопознания. В работах Юргена Хабермаса правопознание и правопонимание рассматриваются как своеобразная социальная коммуникация, результатом которой является не только осознание права, но и его прикладное значение для социальной жизни общества. Кроме того, в рамках данной теории, право находится в постоянной трансформации под влиянием социального дискурса. Отдельно Юрген Хабермас отмечает необходимость подтверждения справедливости позитивного права посредством морального обоснования, при этом отмечая тот факт, что нельзя изначально предоставить неоспоримые моральные нормы. И все вращается вокруг того, что можно лишь обозначить своеобразные рамки, внутри которых люди сами определяют значимость того или иного умозаключения, базируясь на их понимании жизненного мира¹¹. Здесь следует принять во внимание тот факт, что, отрицая саму идею права как меры свободы и формального равенства людей, ученый ставит во главу всего справедливый дискурс. И здесь возникает определенная сложность, связанная с тем, что «существуют случаи, когда задачей становится построение критической теории общества, так как понятие критики подразумевает не только рассмотрение определенных социокультурных жизненных форм, обуславливающих специфическое

содержание ресурсов жизненного мира, но и необходимость введения нормативных стандартов, оправдывающих эту критику...»¹². По мнению автора, при отсутствии активного участия и влияния представителей общества на процессы создания, принятия и последующего применения правовых норм невозможно легитимировать правовые нормы и добиться их качественного функционирования в обществе.

Юрген Хабермас не разделяет примитивной позиции относительно осмысления общества и реальности. Несмотря на то, что основной критерий истинности он отмечает в зависимости от аргументированного обсуждения, а не от объема знаний и жизненного опыта. При этом ученый не лишает в этом коммуникативном процессе значимой роли государственные институты, так как, безусловно, осознает, что невозможно полностью исключить аспект деформации коммуникативной компетенции людей.

Таким образом, он подводит нас к тому, что «постепенно улучшающаяся институционализация способов разумного коллективного формирования воли» постепенно приведет к «спонтанному движению форм коммуникации, соответствующих практическому разуму»¹³. Рассматривая коллективную волю в условиях, заданных данной теорией, он отмечает важнейшим критерием отсутствие возможности нанесения какого-либо ущерба отдельным целям и участникам процесса в целом. Автор упоминает «идеальную речевую ситуацию» как единственно возможную платформу для осуществления рационального и мотивированного консенсуса. Основные критерии «идеальной речевой ситуации» он обозначил во взаимном уважении участников, отсутствии давления и принуждения, а также полном равноправии всех участников дискурса. А достижение искомого результата он базирует исключительно на основании наиболее актуальных и полных аргументов¹⁴.

Подводя итог, следует отметить, что политико-правовые концепции Юргена Хабермаса, так или иначе, всегда обращаются к коммуникации, основанной на равноправии и уважении, где наивысшую силу имеет аргумент, а не принуждение. Поэтому и рассматривая легитимацию, он делает акцент прежде всего на том, что любое возникновение и функционирование правовых норм в обществе должно быть принято людьми осознанно, путем дискурса, а не опираясь на страх и принуждение.

⁹ Хабермас Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории. С. 391.

¹⁰ Там же. С. 392.

¹¹ Хабермас Ю. Современная западная теоретическая социология. Вып. 1. М., 1992. С. 211.

¹² Habermas, J. On the Relationship of Politics, Law and Morality. Frankfurt : University of Frankfurt, Dpt. of Philosophy. Undated. P. 15. Цит. по: Фливерберг Б. Хабермас и Фуко — теоретики гражданского общества // Социологические исследования. 2000. № 2. С. 127–128.

¹³ Habermas, J. Between Facts and Norms. Oxford : MIT Press, 1998. P. 112.

¹⁴ Соболева М. К концепции философии языка Юргена Хабермаса // Логос. 2002. № 2. С. 98.

Литература

1. Соболева М. К концепции философии языка Юргена Хабермаса / М. Соболева // Логос. 2002. № 2. С. 97–119.
2. Современная западная теоретическая социология : реф. сборник. Вып. 1 / Ю. Хабермас. М. : РАН ИНИОН, 1992. 415 с.
3. Фливерберг Б. Хабермас и Фуко — теоретики гражданского общества / Б. Фливерберг // Социологические исследования: 2000. № 2. С. 127–136.
4. Хабермас Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории. СПб. : Наука, 2001. 418 с.
5. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность / Ю. Хабермас. М. : Academia, 1995. 244 с.
6. Хабермас Ю. Между фактами и нормами / Ю. Хабермас. Кембридж : MIT Пресс, 1996. 331 с.
7. Habermas, J. Between Facts and Norms / J. Habermas. Oxford : MIT Press, 1998. 631 p.

ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

*Демичев Алексей Андреевич,
профессор кафедры гражданского права и процесса
Нижегородской академии Министерства внутренних дел
Российской Федерации, доктор юридических наук,
кандидат исторических наук, профессор,
почетный работник высшего профессионального
образования Российской Федерации
aadem@bk.ru*

В статье анализируются пути формирования гражданского общества в Российской империи и Российской Федерации. Автор стоит на позиции, что гражданское общество в России представляет собой хронодискретное явление. Делается вывод, что специфика гражданского общества в России в том, что оно формировалось и формируется «сверху». При этом оптимальным способом является формирование гражданского общества «снизу» при поддержке государства.

Ключевые слова: гражданское общество, хронодискретное явление, хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение.

Ways of Civil Society Establishment in Russia: History and the Modern Times

*Demichev Aleksey A.
Professor of the Department of Civil Law and Procedure
of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
Doctor of Law
Candidate of Historical Sciences
Professor
Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation*

The article analyzes the ways of forming a civil society in the Russian Empire and the Russian Federation. The author stands on the position that civil society in Russia is a chrono-discrete phenomenon. It is concluded that the specificity of civil society in Russia is that it was formed and formed "from above". At the same time, the best way is to form a civil society "from below" with the support of the state.

Keywords: civil society, Chrono-discrete phenomenon, Chrono-discrete mono-geography comparative jurisprudence.

Процесс формирования гражданского общества в нашей стране — явление сложное, многоаспектное и обладающее серьезной спецификой. Причем речь идет не только о его осмыслении как теоретико-правовой категории, но и как об элементе объективной реальности, имеющем место в историко-правовом континууме.

Изучение гражданского общества затрудняется следующими обстоятельствами: данное понятие носит доктринальный характер, у исследователей нет единства в понимании, что именно представляет собой гражданское общество, нет общепризнанного

его определения; отсутствуют четкие критерии сформированности гражданского общества и т.д.

Мы полагаем, что можно сколько угодно спорить о различных характеристиках гражданского общества, составляющих его элементах, структуре, времени возникновения, функциях, путях развития и пр., однако в любом случае речь идет не о сугубо теоретической конструкции, некоем вымысле, оторванном от реальности. Какие бы ни велись дискуссии, независимо от представлений ученых существует некое объективное явление, которое можно назвать гражданским обществом.

Абстрагируясь от многочисленных определений гражданского общества, обозначим его сущность как совокупность сфер жизни отдельных индивидов и их групп, которые напрямую неподконтрольны государству и в которых они свободно реализуют свои частные интересы.

Сложно уверенно говорить, когда возникает гражданское общество. При этом интерес представляет вопрос: раз государство и гражданское общество выступают если не в качестве антиподов, то, как минимум, в качестве составляющих диалектического единства, то может ли государство существовать без гражданского общества, а гражданское общество — без государства?

В истории человечества, как известно, имел место продолжительный догосударственный период. Очевидно, что в первобытном обществе жизнь социума была неподконтрольна государству, в силу отсутствия последнего. Однако было бы наивно утверждать, что первобытное общество равно гражданскому обществу, так как в то время не было таких необходимых составляющих гражданского общества, как свобода, права личности, автономность семьи, демократия, плюрализм и пр.

Если говорить о нашей стране, то мы разделяем позицию, что процесс формирования гражданского общества стал активно идти в период проведения Великих реформ Александра II в 60–70-е гг. XIX в.¹ Именно тогда было отменено крепостное право и произошли коренные изменения в социальном строе. Принцип всеобщности (бессловности) стал активно внедряться и в правосознание, и в практическую деятельность государственных органов и органов местного самоуправления. В ходе судебной реформы 1864 г. была создана судебная система, основанная на принципе бессловности, возникла независимая адвокатская корпорация, демократичный суд присяжных, в результате земской и городской реформ к самоуправлению были допущены различные слои общества, образование стало доступно всем слоям населения, а военные реформы привели к тому, что армия и флот стали комплектоваться на основе этого же принципа. Естественно, не стоит идеализировать указанные преобразования. Все они шли исключительно «сверху», и до установления советского строя в стране явно ощущались сословные пережитки не только на уровне менталитета, но и в практической деятельности государственных органов и органов местного самоуправления.

Кульминацией развития гражданского общества в имперский период стало создание Государственной Думы — органа политического, но в то же время, как показала практика (особенно в отношении I и II Думы), во многом независимого от верховной власти. Собственно, в рамках Государственной Думы в условиях относительной свободы политических партий

¹ Большакова В.М. Адвокатура как институт гражданского общества в России: история и современность // Гражданское общество в России и за рубежом. 2017. № 4. С. 41–44.

и нашли определенное выражение интересы гражданского общества. В это время, как верно отмечают И.С. Розенталь и А.С. Туманова, происходят изменения и в самом обществе, и в понятийном аппарате — в общественном сознании меняется содержание понятий «общество», «общественность» и «гражданское общество»².

В отличие от многих европейских стран развитие гражданского общества в России было прервано на достаточно длительное время. Следует согласиться с утверждением В.М. Большаковой, что в России гражданское общество представляет собой хронодискретное явление³. Однако мы расходимся с названным автором в границах хроноразрыва. В.М. Большакова не может определить, когда начинается временной разрыв в истории формирования российского гражданского общества (то ли это 1881 г. — как начало периода контрреформ, то ли 1917 г.)⁴.

У нас нет никаких сомнений в том, что период так называемых контрреформ никоим образом не прерывал процесс развития гражданского общества. Мы считаем, что сам термин «контрреформы» в его советском понимании носил идеологический характер и от него давно пора отказаться⁵. В это время шли не контрпреобразования в различных сферах, а приспособление созданных или трансформированных в ходе реформ Александра II институтов к реалиям российской государственности и менталитету населения.

Формирование гражданского общества в России было прервано в 1917 г. с приходом к власти большевиков. Хотя в идеалистической перспективе советская власть видела построение коммунизма, в реальности был создан антипод гражданского общества — тоталитарное государство, которое сформировалось в СССР в 1930-е гг.

Особенностью тоталитарного государства является постоянный и жесткий контроль над всеми сферами жизни общества, в том числе и теми, которые исторически были относительно автономны от государства: семья, религия, народная культура, проведение досуга и др. Следует отметить, что в тоталитарном государстве большую роль играют не правовые средства контроля над обществом. А формально существующие, исходящие от государства нормы права, которые не соответствуют реалиям с ведомо самого же государства. Классическим уже давно стал пример, что Конституция СССР 1936 г. являлась на

² Розенталь И.С., Туманова А.С. Общество, общественность, гражданское общество: к вопросу о трансформации понятий в канун и в годы Первой русской революции // Гражданское общество в России и за рубежом. 2016. № 1. С. 3–9.

³ Большакова В.М. Указ. соч.

⁴ Там же.

⁵ Демичев А.А. Судебная контрреформа или кризис судебной системы России в 70–80-е годы XIX в. (Новый взгляд на решение старой проблемы) // Государство и право. 2012. № 10. С. 66–73.

тот момент самой демократической в мире, что полностью противоречило практике.

Что касается коммунистических перспектив, то если бы они были реальны, то государство должно было отмереть, а духовные, физические и материальные интересы каждой личности, отдельных групп и населения в целом должны были быть полностью удовлетворены. Собственно коммунистическое общество и представляло бы собой гражданское общество.

В.М. Большакова полагает, что «в любом случае возврат к построению гражданского общества начинается с 1991 г. — распада СССР и создания новой российской государственности»⁶. Данное утверждение представляется спорным. Дело в том, что демократизация российской жизни в политике, экономике, культуре и других сферах началась уже во второй половине 80-х гг. XX в., в период перестройки. Именно тогда, по нашему мнению, и возродился процесс формирования гражданского общества.

Итак, хроноразрыв в процессе формирования гражданского общества в России длился 67 лет — с 1917 по 1985 г. Соответственно, исходя из методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения, можно сравнить данный процесс, явление в различные исторические периоды.

Как мы уже обращали внимание, российской традицией, воспринимаемой населением в качестве должного, является то, что все реформы и большинство инициатив идут «сверху», предлагаются и проводятся государством. Причем без реального обсуждения «снизу». Либо же мнение общественности выслушивается, но к нему не прислушиваются. В последние годы в российскую практику на разных уровнях стали внедряться общественные слушания, общественные обсуждения законопроектов. Несомненно, это явление можно рассматривать в качестве проявления гражданского общества. Правда, вопрос о том, насколько это эффективно, требует специального изучения.

Гражданское общество не является обществом «вне права». Право играет здесь рамочный, каркасный характер. Личность свободна только в пределах, очерченных правом. Если рассмотреть данную ситуацию с позиции механизма правового и социального регулирования, то «государственная» сфера жизни регулируется отраслями публичного права, а сфера «гражданского» общества — отраслями частного права и неправовыми социальными регуляторами — моралью, обычаями, традициями, религиозными, корпоративными и прочими нормами. Таким образом, социальные нормы, регулирующие отношения в «гражданском обществе», существуют двух типов: некие «каркасные» правовые нормы, задающие определенные рамки для граждан, только в пределах которых они обладают достаточной мерой свободы

(семейные, гражданско-правовые, отчасти трудовые отношения), и социальные нормы, внешне неподконтрольные государству.

На самом деле ни в ближней исторической ретроспективе, ни в современном обществе не было и нет социальных регуляторов, абсолютно неподконтрольных государству. Возьмем, например, сферу религиозных отношений. Статья 14 Конституции РФ устанавливает, что Россия является светским государством, религиозные объединения отделены от государства, а ст. 28 гарантирует свободу совести и свободу вероисповедания. Однако при этом существует ряд запретов на организацию и деятельность отдельных церквей, религиозных сект, культов деструктивного характера, подавляющих личность, пропагандирующих жестокость, насилие и пр. Понятно, что этот запрет целесообразен, но все же следует признать, что формально государство ограничивает свободу вероисповедания.

От религии как социального регулятора перейдем к обычаям. Большинство обычаев (не правовых обычаев, которые санкционированы государством, на которые даны отсылки в текстах нормативно-правовых актов и которые являются источниками права) государству безразличны. Однако такие обычаи, которые противоречат интересам государства, запрещаются соответствующими правовыми актами, а, следовательно, связанные с ними отношения подпадают под контроль государства. В качестве примера таких реально еще существующих, но запрещенных обычаев можно привести традиционные для некоторых народов Кавказа обычаи похищения невесты, вступления в брак с женщиной без ее согласия, по договоренности с родителями. Все эти обычаи с точки зрения закона представляют собой уголовно наказуемые деяния, преследуемые государством.

Если говорить о нормах морали, то многие из них давно нашли закрепление в правовых нормах и, соответственно, охраняются государством. Наиболее ярким примером здесь являются библейские заповеди «не убий» и «не укради». В различных кодексах профессиональной этики имеет место обратная тенденция — под видом корпоративных норм происходит дублирование положений действующего законодательства. Таким образом, нормы права становятся и корпоративными нормами.

Менталитет и народное правосознание всегда более консервативны, чем нормы права, исходящие от государства. Отсюда нередко возникает конфликт между правом и справедливостью. На уровне судебной власти этот конфликт может быть разрешен с помощью судов с народным представительством. Например, в качестве института гражданского общества можно рассматривать суд присяжных⁷. Действительно, присяжные заседатели

⁶ Большакова В.М. Указ. соч.

⁷ Илюхин А.В. Гражданское общество и суд присяжных в России: история и современность // Гражданское общество в России и за рубежом. 2011. № 3. С. 22–25; Боль-

выносят вердикт, не опираясь на законы, а основываясь исключительно на обстоятельствах конкретного уголовного дела и собственных представлениях о справедливости.

В Российской империи процесс формирования гражданского общества шел «снизу» и во многом спонтанно. В Российской Федерации, напротив, государство пытается сделать этот процесс контролируемым, в том числе и провозглашая курс на построение гражданского общества. Следует обратить внимание, что при этом многое из того, что идет от государства, со временем формализуется и превращается в часть государственного механизма. Примером может служить Общественная палата РФ и общественные палаты субъектов РФ. Эти органы в средствах массовой информации рассматриваются в качестве одного из важнейших элементов гражданского общества, однако, как это ни странно, подавляющее большинство представителей этого самого общества понятия не имеют, чем занимаются общественные палаты, как они формируются и кто в них входит.

По нашему убеждению, основным способом формирования гражданского общества должно быть движение «снизу вверх», инициативы должны исходить от населения, а государство должно способствовать их развитию. Не нормы права должны быть первичными — не институты гражданского общества формируются на основе принятых государством правовых норм, а инициативы граждан должны приобретать правовые формы.

Государство часто не замечает, не хочет видеть или не в состоянии разрешить проблемы, которые волнуют население. Именно по этой причине часть социально активных граждан проявляет различного рода инициативы. Это, в свою очередь, приводит к возникновению общественных организаций и движений. Мы не говорим о политических движениях. В данном контексте представляют интерес общественные движения социальной ориентации, деятельность которых направлена на самостоятельное разрешение проблем, актуальных для «простых» граждан. Например, во многих регионах Российской Федерации существует неструктурированное, неформализованное общественное движение «Брат за сестру». Его участники не преследуют каких-либо политических целей, оно не финансируется из бюджета, а вызвано именно потребностями общества. Вот именно такие движения, по нашему мнению, и являются настоящими ростками гражданского общества в России. Такого рода движения должны стимулировать государством.

Некоторые общественные движения, возникшие «снизу», раздражают чиновников, вызывают у них негативную реакцию. Так, «Общество синих

ведерок», возникшее еще в 2006 г., до сих пор не регистрируется Министерством юстиции в качестве общественного движения. В то же время его деятельность одобряется большинством членов общества, понятна ему.

Некоторые общественные движения, считающиеся идущими «снизу», на самом деле были инициированы властями, получили их признание и частично финансируются из госбюджета (в рамках президентских грантов). К ним можно отнести несколько теряющие в последнее время популярность в силу определенной одиозности «СтопХам» и «Хрюши против!». Однако, несмотря на происхождение этих движений, они восприняты обществом, а само общество вносит в их деятельность свои коррективы. Исходя из сказанного, мы полагаем, что подобного рода движения тоже можно рассматривать как элемент гражданского общества.

В некоторых случаях народные и государственные инициативы совпадают и в плане замысла, и в плане его реализации. Так, представляется разумным и эффективным возрождение добровольных народных дружин и создание миграционных патрулей. Но при этом в отношении квазиправоохранительных организаций нужно быть крайне осторожными, так как их участники иногда переходят грани допустимого, нарушают нормы права. Такое иногда случается и в деятельности казачьих объединений. В регионах, где сильны соответствующие исторические традиции, казачество действительно играет существенную роль в организации местной жизни. Однако иногда в деятельности казачьих объединений имеют место нарушения закона. Кроме того, не все население таких регионов одобряет деятельность казаков. И с этим необходимо считаться.

Из-за распространения в последнее время преступлений педофильской направленности в разных городах стали возникать организации борцов с педофилами. Они часто действуют незаконными методами, и при этом в их деятельности нередко происходят ошибки, имеет место нарушение закона. По нашему мнению, организации подобного рода должны обязательно сотрудничать с правоохранительными органами и, естественно, не нарушать действующего законодательства.

В заключение статьи отметим, что процесс формирования гражданского общества в России является хронодискретным, его история была прервана на долгие годы. Если в Российской империи он шел хаотично и, как правило, «снизу», то в Российской Федерации государство взяло его под контроль, пытается управлять им. При этом возникновение и развитие институтов гражданского общества идет одновременно и «сверху», и «снизу». Мы полагаем, что сегодня государство должно больше внимания уделять стимулированию и поддержке именно общественных инициатив, исходящих от населения. В этом случае можно будет говорить, что в России формируется подлинное гражданское общество.

шакова В.М. Суд присяжных заседателей в Российской империи и Российской Федерации как институт гражданского общества // Гражданское общество в России и за рубежом. 2018. № 1. С. 10–13.

Литература

1. Большакова В.М. Адвокатура как институт гражданского общества в России: история и современность / В.М. Большакова // Гражданское общество в России и за рубежом. 2017. № 4. С. 41–44.
2. Большакова В.М. Суд присяжных заседателей в Российской империи и Российской Федерации как институт гражданского общества / В.М. Большакова // Гражданское общество в России и за рубежом. 2018. № 1. С. 10–13.
3. Демичев А.А. Судебная контрреформа или кризис судебной системы России в 70–80-е годы XIX в. (Новый взгляд на решение старой проблемы) / А.А. Демичев // Государство и право. 2012. № 10. С. 66–73.
4. Илюхин А.В. Гражданское общество и суд присяжных в России: история и современность / А.В. Илюхин // Гражданское общество в России и за рубежом. 2011. № 3. С. 22–25.
5. Розенталь И.С., Туманова А.С. Общество, общественность, гражданское общество: к вопросу о трансформации понятий в канун и в годы Первой русской революции / И.С. Розенталь, А.С. Туманова // Гражданское общество в России и за рубежом. 2016. № 1. С. 3–9.

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОЕКТА ПОЛОЖЕНИЯ ОБ УПРАВЛЕНИИ В ОБЛАСТЯХ ТУРКЕСТАНСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА 1873 Г. НА СТРАНИЦАХ СТОЛИЧНОЙ ПРЕССЫ

*Почекаев Роман Юлианович,
профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства
Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ),
кандидат юридических наук, доцент
ropot@mail.ru*

В статье анализируются публикации в газетах Санкт-Петербурга и Москвы, посвященные обсуждению проекта Положения об управлении в областях Туркестанского генерал-губернаторства, разработанного в 1873 г. туркестанским генерал-губернатором К.П. фон Кауфманом. Автор анализирует содержание публикаций, выявляет позицию той или иной газеты по отношению к проекту и реакции на него различных центральных властных структур. Также предпринимается попытка выяснить, насколько анализируемые газетные публикации отражают взгляды тех социальных групп, интересы которых представляло соответствующее издание.

Ключевые слова: Российская империя, Туркестанский край, свобода печати, цензура, либеральная и консервативная пресса, Министерство финансов, Военное министерство, региональное управление.

A Discussion of the Draft 'Provisions on Governance in the Turkestan Governorate-General Regions' of 1873 on the Pages of Capital Newspapers

*Pochekaev Roman Yu.
Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State of the Saint
Petersburg Branch of the National Research University "Higher School of Economics" (NRU HSE)
Candidate of Legal Sciences
Assistant Professor*

Article devoted to publications in St. Petersburg and Moscow newspapers on the project of "Statute of administration of provinces of the Turkestan region" developed by the Turkestan governor-general Konstantin P. von Kaufmann in 1873. Author analyzes the content of publications to determine the position of newspapers on the project and on the reaction of authorities on it. Also there is an attempt to clarify how one or another publication reflected views of social groups whose interests were represented in these newspapers.

Keywords: Russian Empire, Turkestan region, freedom of press, censorship, liberal and conservative press, Ministry of finance, Military ministry, regional administration.

Публичное обсуждение (в том числе на страницах прессы) государственных реформ и связанных с ним правовых актов получило широкое распространение в начале XX в. после провозглашения свободы печати¹. Однако и раньше имели место примеры

таких обсуждений на страницах печати — в частности, в середине 1870-х гг., в тот период, когда в России прошла первая цензурная реформа 1865 г., но уже появились нормативные акты, существенно

¹ См., напр.: Туманова А.С. Конституционная реформа начала XX века и правосознание элиты рос-

сийского общества // Бизнес в законе. 2008. № 2. С. 13–17.

ограничившие возможности деятельности журналистов². В настоящей публикации эта тенденция анализируется на примере серии статей, опубликованных в ряде ведущих столичных изданий и посвященных проекту Положения об управлении в областях Туркестанского генерал-губернаторства.

Проект был разработан первым туркестанским генерал-губернатором К.П. фон Кауфманом в 1873 г. и представлен в Военное министерство. Однако по итогам межведомственных обсуждений он так и не был утвержден, хотя фактически многие пункты этого акта действовали в Туркестанском крае вплоть до кончины Кауфмана в 1882 г.³

В рамках данного исследования представляет интерес тот факт, что этот проект привлек значительное внимание прессы и неоднократно обсуждался на ее страницах. В течение 1874 — начала 1875 г. выходили посвященные ему публикации в таких газетах, как «Биржа», «Биржевые ведомости», «Голос», «Московские ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости». Естественно, руководство Туркестанского края проявляло интерес к освещению процесса рассмотрения этого документа в газетах, чем и объясняется тот факт, что эти публикации вошли в состав 73-го тома Туркестанского сборника сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанскому краю в особенности — уникального собрания газетных и журнальных публикаций, а также отдельных книг и брошюр о Центральной Азии, создание которого началось по инициативе того же К.П. фон Кауфмана в 1867 г. и продолжалось до 1916 г.

Перечисленные газеты представляли интересы различных социальных групп и, соответственно, имели разную политическую ориентацию — как либеральную, так и консервативную. Логично было бы предположить, что и в публикациях, посвященных проекту «Положения» 1873 г., должны были проявиться взгляды, пропагандируемые тем или иным изданием. Попытаемся выяснить, так ли это было на самом деле.

Газета «Биржевые ведомости», отражавшая интересы промышленных и торговых кругов, посвятила проекту две публикации. При этом, несмотря на довольно скандальную репутацию и оппозиционную направленность издания (особенно с 1875 г.), нельзя не отметить чисто информационный характер

статей об этом документе, которые к тому же представляют собой перепечатку или же краткий пересказ публикаций других газет. Так, в № 179 за 1874 г. содержится краткий отрывок статьи из «Санкт-Петербургских ведомостей», а в № 318 за тот же год — из «Московских ведомостей»⁴. Таким образом, «Биржевые ведомости» довольно нейтрально информировали свою читательскую аудиторию о ходе рассмотрения проекта центральными органами власти и о замечаниях, которые представители того или иного министерства высказали по данному документу.

Еще одно деловое издание, газета «Биржа», вообще ограничилось краткой заметкой по поводу проекта Кауфмана, опубликованной в № 262 за 1874 г. Представители редакции издания, ссылаясь на то, что «слышали», выражают сомнение в утверждении проекта и кратко излагают «сделанные на него замечания разными министерствами». В первую очередь подвергается критике то, что Кауфман предлагает подчинить все ведомства края Военному министерству (представителем которого в крае он сам и являлся), в том числе и те, которые по закону должны находиться в ведении других министерств. Кроме того, Кауфмана упрекали в том, что он, провозглашая цель интеграции Туркестана в состав Российской империи, своими действиями достигал обратного, поскольку постоянно делал упор на особенности этого региона, на необходимость для него специального законодательства, в результате чего наряду с общеимперским законодательством в крае должно было действовать до двух десятков инструкций, издаваемых местными властями в таких сферах, как горная или лесная промышленность, и т.д.⁵ Несмотря на довольно общий характер заметки, нельзя не отметить, что изложенные в ней комментарии к проекту довольно специфичны и, несомненно, получены из соответствующих правительственных структур. В результате и в этом издании мы не находим какого-либо выражения позиции тех слоев общества, интересы которых «Биржа» представляла.

Совершенно иной характер носит публикация в № 136 «Московских ведомостей» за 1874 г. В отличие от вышеупомянутых кратких заметок в «Биржевых ведомостях» и «Бирже», это довольно обширная статья, носящая уже не чисто информационный, но и аналитический характер. Журналисты весьма подробно разобрали решение специальной комиссии Министерства финансов по проекту Кауфмана и подвергли его разгромной критике. Прежде всего они обвинили представителей министерства в том, что те не ограничились финансовыми аспектами проекта, а решили разобрать все его содержание. Затем в статье было отмечено, что многие выводы комиссия делала на основе «выхваченных из текста» отдельных фраз, в результате чего большинство замечаний ее «сделаны с точки зрения, которая может

² См. подробнее: Патрушева Н. Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX — начале XX века : дис. ... д-ра ист. наук. Т. I. СПб., 2014. С. 259–265; Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. М., 1905. С. 114–116.

³ О проекте и его обсуждении в высших органах власти Российской империи см.: Васильев Д.В. Организация управления в Русском Туркестане по проектам Положения об управлении 1870-х гг. // Интернет-журнал «Науковедение». 2014. Сентябрь — октябрь. Вып. 5 (24); Тухтаметов Ф.Т. Правовое положение Туркестана в Российской империи: Вторая половина XIX века. Уфа, 1999. С. 43–56; Шушкова М.Е. Организация управления Туркестаном в начале XX века : дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. С. 84.

⁴ Туркестанский сборник. СПб., 1873. Т. 73. С. 39–41, 78–79.

⁵ Туркестанский сборник. С. 163.

показаться невероятной»⁶. Совершенно несостоятельным признается в статье утверждение комиссии Министерства финансов о том, что военное управление (за сохранение которого в Туркестане выступал К.П. фон Кауфман) уже не является необходимым в новых условиях: как отмечают журналисты, оно сохраняется на Кавказе и в Северо-Западном крае («привисленских областях»), и ни у кого не возникает сомнения в его целесообразности. Завершается статья довольно парадоксальным суждением о том, что вовсе не обвиняемый в чрезмерной радикальности проект Кауфмана, а именно решение комиссии Министерства финансов может привести к коренной ломке властных институтов в Туркестанском крае⁷.

Отдельное внимание в статье уделено вопросу о наделении в проекте туркестанского генерал-губернатора и военных губернаторов областей края полномочиями в сфере внешней политики, в частности, правом принятия решений в отношениях с российскими протекторатами — Бухарским эмиратом и Хивинским ханством. Для газеты это всего лишь еще одно неоправданное решение комиссии, отклонившей это предложение под предлогом, что другие губернаторы в империи не имеют таких полномочий, и даже отдаленность края не является основанием для исключения в отношении Туркестана⁸. А между тем этот вопрос на протяжении нескольких десятилетий (с момента образования Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 г. и до падения Российской империи в 1917 г.) являлся предметом конфликта между Военным министерством и Министерством иностранных дел Российской империи, неоднократно находя отражение в российской прессе и специальных работах⁹.

Полагаем, для редакции «Московских ведомостей» (имевших, как известно, резко консервативную направленность) обсуждение проекта «Положения» 1873 г. стало удачным поводом для критики деятельности «либерального» Министерства финансов в целом, каковая откровенно ведется на протяжении всей статьи. Вместе с тем нельзя не отметить, что обвинения министерских чиновников выглядят весьма обоснованными, признаются «вескими» отдельные замечания указанной комиссии, а также в необходимых случаях даются ссылки на законы и на правовую практику в Российской империи, которую, по мнению редакции газеты, Минфин не учитывает. Ярким примером является рекомендация «увлекшейся» комиссии о создании в Туркестане полицейских присутствий, которые, как сообщают «Московские ведомости», планируется упразднить уже и в самой Российской империи¹⁰.

⁶ Туркестанский сборник. С. 82.

⁷ Там же. С. 87.

⁸ Там же. С. 86.

⁹ См. подробнее: Почекаев Р.Ю. «Страна бесправия» Д.Н. Логофета как отражение конфликта Военного министерства и МИД России по «Бухарскому вопросу» в начале XX в. // Военно-юридический журнал. 2017. № 5. С. 26–30.

¹⁰ Там же. С. 85.

Еще более радикальный характер носит публикация о проекте, вышедшая в № 14 газеты «Голос» от 13 января 1875 г. В статье критикуются отсрочки в передаче проекта на утверждение в Госсовет, выражается сомнение в оценке предложений Кауфмана центральными властями как «крутых мер». По мнению редакции газеты, все мероприятия, предлагаемые Кауфманом, в полной мере отражают ситуацию в крае, служат интересам как местного населения, так и империи в целом. А отсрочки в проведении реформ управления краем способны не только ухудшить социально-экономическое положение в крае, но и снизить авторитет имперских властей в регионе, чем уже сейчас готовы воспользоваться агенты Османской империи, стремящиеся восстановить мусульман Туркестана против российского правления¹¹.

Не ограничиваясь общей оценкой позиции центральных властей по проекту, газета демонстрирует знание специфики региона, а также действующего в нем законодательства (помимо проекта 1873 г.), поддерживая необходимость реформ именно в отношении оседлого населения как более развитого и более подготовленного к принятию российского законодательства, чем кочевники «с патриархальным бытом», в отношении которых никаких радикальных изменений Кауфман и не предлагает. Как и в статье в «Московских ведомостях», проводятся параллели между тем, что предлагается для Туркестана, и уже существующим порядком управления в северо-западных регионах империи, что опять же, по мнению газеты, позволяет одобрить предложения Кауфмана¹².

Подобно опять-таки «Московским ведомостям», авторы статьи в «Голосе» используют ситуацию с проектом «Положения» 1873 г. как повод для критики. Но если издание М.Н. Каткова обрушилось исключительно на Министерство финансов, то «Голос» подвергает разгромной критике всю систему государственного управления в целом, о чем, в частности, свидетельствует фраза, что «прежняя система не соответствует требованиям современного положения дел»¹³. Таким образом, газета «Голос» и в данном случае оправдывает свою репутацию «защитника реформ», в отстаивании которых не намеревалась «льстить правительству»¹⁴, за что и получала неоднократные взыскания цензурного ведомства по обвинению в «превратном истолковании» действий правительства, «резком порицании правительственных мероприятий» и «вредном направлении» в целом¹⁵. Вместе с тем нельзя не отметить, что именно это издание, пожалуй, наиболее ярко выразило в данной публикации интересы деловых кругов,

¹¹ Туркестанский сборник. С. 66–69.

¹² Там же. С. 69(e–g).

¹³ Там же. С. 69(f).

¹⁴ См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. IX. СПб., 1893. С. 108.

¹⁵ Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. С. 230–231.

которые оно защищало на своих страницах: распространение на местное население «гражданских законов» Российской империи должно обеспечить его возможности вести дела с представителями других регионов империи, а российским предпринимателям — расширять свое присутствие в самом Туркестанском крае¹⁶.

Особое место среди анализируемых публикаций, посвященных проекту «Положения» 1873 г., занимает целая серия статей, опубликованная в «Санкт-Петербургских ведомостях» в течение июля — августа 1874 г. В отличие от остальных газет, которые стараются показать свое знакомство с решениями официальных инстанций, автор (или авторы) статей в этом издании на протяжении всех пяти публикаций неоднократно подчеркивают, что не имеют представления о проекте в целом и опираются на «общие слухи», представляя именно частную критику проекта.

Однако уже сама тематика каждой из публикаций своей спецификой опровергает утверждения редакции о том, что ей известны лишь «общие слухи». Так, в № 181 от 4 (15) июля 1874 г. анализируются предложения Кауфмана по повышению жалования администрации края, финансирование туркестанских печатных изданий, культурных и научных учреждений¹⁷. В № 189 от 11 (23) июля — вопросы создания в Туркестане ведомственных управлений¹⁸. В № 195 от 17 (29) июля — административное деление края¹⁹. В № 204 от 26 июля (7 августа) — устройство «учебной части», причем в статье демонстрируется неплохое знание системы мусульманского образования²⁰. Наконец, в № 222 от 13 (25) августа — преобразование в судебной сфере, причем опять же показывается представление о местных традициях суда среди кочевников и оседлого населения²¹. Кроме того, авторы статей весьма уверенно оперируют цифрами (число населения, площадь, статьи расходов, жалование и пр.), причем не только в отношении Туркестана, но и при проведении сравнительного анализа его с другими регионами.

Вышеупомянутые постоянные оговорки, что эти публикации отражают исключительно собственную позицию редакции «Санкт-Петербургских ведомостей» по проекту, основанную «на общих слухах», уже сами по себе внушают некие сомнения в искренности авторов публикаций. Однако, обратившись к другим источникам, мы обнаруживаем, что «частная критика» «Санкт-Петербургских ведомостей» весьма сходна с позицией ряда министерств, резко критиковавших проект «Положения» 1873 г.

Например, замечания в № 195 «Санкт-Петербургских ведомостей» по предложению Кауфмана о высылке «неблагонадежных туземцев» в статье

«Московских ведомостей» приводятся как официальное мнение Министерства финансов²². Критика газеты по организации врачебного края в Туркестанском крае (№ 189) дословно совпадает с замечаниями по проекту Министерства финансов, отраженными в его официальных актах²³. В 1881 году в своем отчете об управлении Туркестанским краем К.П. фон Кауфман ответил на критику комиссии Министерства финансов о сравнении Туркестанского края по площади и населению с другими регионами Российской империи²⁴ — эти сведения опять же дословно (вплоть до названий конкретных областей и губерний и точных цифр) воспроизведены в № 195 «Санкт-Петербургских ведомостей».

Вышесказанное позволяет сделать уверенный вывод, что статьи в «Санкт-Петербургских ведомостях» носили, так сказать, «заказной характер» и, по сути, представляли собой попытку Министерства финансов воздействовать на общественное мнение. Как известно, М.Х. Рейтерн, возглавлявший Минфин Российской империи в 1862–1878 гг., много сделал для обеспечения гласности в деятельности своего ведомства. Именно при нем стала публиковаться ежегодная «Общая государственная роспись доходов и расходов», причем поначалу ее публикация вызвала очень серьезные опасения в правительственных кругах²⁵. Не удивительно, что он стремился повысить уровень гласности деятельности министерства через публикацию в прессе материалов о его действиях.

Однако в связи с этим было бы понятно, если бы Рейтерн обеспечил публикации о проекте Кауфмана в официальных правительственных или проправительственных изданиях. Однако проанализированная серия статей вышла в издании, которое было известно как либерально-оппозиционное и неоднократно подвергавшееся цензурным взысканиям как раз в 1870-е гг. — за «вредное направление»²⁶. По-видимому, министр считал, что критика проекта «Положения» 1873 г. в оппозиционном издании будет иметь больший эффект и создаст впечатление того, что различные слои российского общества (а не только центральные властные структуры) критически относятся к инициативам туркестанского генерал-губернатора. Именно с этой целью в публикациях «Санкт-Петербургских ведомостей» постоянно подчеркивается, что высказываемая точка зрения — это мнение самой редакции, основанная на «общих слухах».

Таким образом, анализируемые публикации в газетах, за исключением статей в «Московских ведомостях» и «Голосе», в большей степени могут

¹⁶ Туркестанский сборник. С. 69(d), 69(k).

¹⁷ Туркестанский сборник. С. 95–104.

¹⁸ Там же. С. 116–125.

¹⁹ Там же. С. 126–134.

²⁰ Там же. С. 107–115.

²¹ Там же. С. 135–141.

²² Туркестанский сборник. С. 86–87.

²³ См.: Тухтаматов Ф.Т. Правовое положение Туркестана в Российской империи. С. 54.

²⁴ Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана I по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 — 25 марта 1881 г. СПб., 1885. С. 80.

²⁵ См.: Блюх И.С. Финансы России XIX столетия. История — статистика. Т. II. СПб., 1882. С. 77.

²⁶ Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. С. 246.

считаться не столько источником сведений об отношении к преобразованиям в Туркестанском крае различных групп общественности, сколько позицией различных центральных властных структур, которые сумели даже определить послабления цензурного характера и предоставление несколько

большой свободы прессе в 1860–1870-е гг. использовать в своих интересах, демонстрируя противостояние с региональной администрацией не только в процессе официальных правительственных обсуждений, но и на страницах периодических изданий.

Литература

1. Блюх И.С. Финансы России XIX столетия. История — статистика. Т. II. / И.С. Блюх. СПб. : Общественная Польза, 1882. 295 с.
2. Васильев Д.В. Организация управления в Русском Туркестане по проектам Положения об управлении 1870-х гг. / Д.В. Васильев // Интернет-журнал «Науковедение». 2014. Сентябрь — октябрь. Вып. 5 (24).
3. Куликова С.А. Борьба с распространением вредной информации в деятельности цензуры Российской империи / С.А. Куликова // История государства и права. 2015. № 4. С. 20–25.
4. Патрушева Н.Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX — начале XX века : дис. ... д-ра ист. наук / Н.Г. Патрушева. Т. I. СПб., 2014. 404 с.
5. Почекаев Р.Ю. «Страна бесправия» Д.Н. Логофета как отражение конфликта Военного министерства и МИД России по «Бухарскому вопросу» в начале XX в. / Р.Ю. Почекаев // Военно-юридический журнал. 2017. № 5. С. 26–30.
6. Розенберг В.А. Русская печать и цензура в прошлом и настоящем / Статьи Вл. Розенберга и В. Якушкина. М. : М. и С. Сабашниковы, 1905. 250 с.
7. Туманова А.С. Конституционная реформа начала XX века и правосознание элиты российского общества / А.С. Туманова // Бизнес в законе. 2008. № 2. С. 13–17.
8. Тухтаматов Ф.Т. Правовое положение Туркестана в Российской империи: Вторая половина XIX века / Ф.Т. Тухтаматов. Уфа : Башк. ун-т, 1999. 215 с.
9. Шушкова М.Е. Организация управления Туркестаном в начале XX века : дис. ... канд. ист. наук / М.Е. Шушкова. М., 2015. 313 с.
10. Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон ; под ред. К.К. Арсеньева и засл. проф. Ф.Ф. Петрушевского. СПб. : Типо-Лит. И.А. Ефрона, 1890–1907. Т. IX: Гоа — Гравер. 1893. 474 с.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ: ДИАЛОГ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ КАК РАСШИРЕНИЕ ПУБЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА ДЕМОКРАТИИ

*Остапенко Андрей Сергеевич,
доцент кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин
Политехнического института (филиала)
Донского государственного технического университета,
кандидат юридических наук
andrey-ostapenko1@yandex.ru*

Статья посвящена рассмотрению взаимодействия публичной власти и институтов гражданского общества в условиях современной эволюции информационного пространства, следствием которой выступает развитие постиндустриального информационного общества. Автором показывается роль гражданского общества как возможности расширения публичного пространства демократического участия всех акторов социальной коммуникации.

Ключевые слова: гражданское общество, диалог общества и власти, постиндустриальное информационное общество, демократия, расширение публичного пространства, легитимация права.

Civil Society and Government: a Dialogue in the Post-Industrial Informational Society as Expansion of the Public Space of Democracy

*Ostapenko Andrey S.
Assistant Professor of the Department of the Humanities and Natural Science Disciplines
of the Polytechnic Institute (Branch) of the Don State Technical University
Candidate of Legal Sciences*

The article is devoted to consideration of interaction of government and civil society institutions in the modern evolution of the information space, the consequence of which is the development of post-industrial information society. The author shows the role of civil society as the possibility of expanding public space for the democratic participation of all actors of social communication.

Keywords: civil society, the dialogue of society and government, post-industrial information society, democracy, extension of the public space, the legitimation of law.

Диалог между институтами гражданского общества и властью приобретает на постсоветском пространстве все большее значение в процессах принятия общественно значимых решений, контроля расходования финансовых средств, выделенных на разрешение конкретных проблем, например, в сфере ЖКХ, отстаивания прав граждан. При этом структуры гражданского общества заявляют о себе как о самостоятельных субъектах политического и неполитического характера, направленных на участие в общественной жизни и учет интересов граждан и их групп. «Диалог власти и общества, — пишет А.В. Зайцев, — это процедура и технология осуществления обратной связи управляющей подсистемы общества с гражданами и населением страны... Диалог в постиндустриальном информационном обществе становится нормой цивилизованного и демократического взаимодействия, участники которого признают право на существование каких-то иных, даже альтернативных политических взглядов, мнений, убеждений»¹. Логика интересов в данном случае выливается в массив групп и организаций, осу-

ществляющих взаимодействие с властью и репрезентацию интересов граждан, что уже давно присутствует в социальной практике стран Европы и Северной Америки.

Классическое видение гражданского общества основывается на идеях господства частной собственности, рациональном и эгалитарном правосознании, а также свободе и равенстве всех индивидов — участников социальной коммуникации. С эволюционной точки зрения гражданское общество есть производное рыночной экономики и культуры демократии, включающей права граждан, такие как право избирать и быть избранным, свободно выражать свое мнение, распоряжаться способностями к труду, участвовать в деятельности общественных организаций и т.д. Данные права сопровождали становление гражданского общества и его воплощение в жизнь в социально-политических процессах Нового и Новейшего времени, обогативших политико-правовую науку новыми концепциями, теориями и подходами.

Специфика формирования гражданского общества в России связана с социокультурными и политическими традициями, национальным менталитетом, отличными от культурного и политико-правового наследия Западной Европы. Началом становления гражданского общества в России можно считать

¹ Зайцев А.В. Институционализация диалога государства и гражданского общества: компаративный анализ. Кострома, 2014. С. 7.

реформы 60-х гг. XIX в., предопределившие социальные изменения начала XX в. К институтам гражданского общества того времени относились благотворительные, просветительские и иные самодеятельные общества, городское и земское самоуправление, адвокатура, высшая школа. После падения самодержавия все они претерпели трансформации в соответствии с новым идеологическим курсом, поставленным советской властью.

Многочисленные общественные организации советского периода, местное самоуправление, учебные заведения и т.д. лишь создавали видимость гражданского общества, поскольку были скованы официальной догмой и не отвечали признакам толерантности и гражданской свободы. По мнению Е.А. Чаленко, единственным осколком гражданского общества являлась церковь², поскольку она обладала определенной степенью самостоятельности. К тому же церковь объединяет прихожан не только по конфессиональному признаку, но и по территориальному — как жителей конкретных местных сообществ, имеющих свои собственные интересы и потребности. Не стоит, однако, забывать, что в любой религии заложен момент конфликтогенности, так как религии не только объединяют, но и разъединяют людей по принципу «свой — чужой», а религиозная свобода не тождественна свободе гражданской.

Советское государство жестко подчиняло себе все общественные и самодеятельные структуры, так как отрицалась целостность индивида в его отрыве от государственной машины. Все, что касалось религии, также в течение длительного времени регламентировалось административными или идеологическими средствами, не позволяющими религиозным организациям в полной мере ощутить себя в качестве элемента гражданского общества. Согласно марксистской идеологии гражданское общество не только «представляет собой поле игры личных индивидуальных интересов, — пишет Л.И. Якобсон, — но рассматривается как правовая, политическая и культурная “надстройка”, маскирующая господство товарного производства и класса капиталистов; это миф, скрывающий подлинность отношений, внутри капитализма»³. В подобном качестве оно не было востребовано ни политическими элитами, ни широкой научной общественностью, ни обывателями, поскольку в нем не было необходимости.

При реформировании ключевых основ советского общества и государства на основе новых ценностей демократии, политических и социальных свобод, к сожалению, был избран путь безоглядного и некритичного копирования готовых моделей рыночных институтов и политических отношений.

Как итог, катастрофические по своим последствиям социальные и культурные трансформации затронули все без исключения сферы жизни, пробудив в то же время «новый интерес к гражданскому обществу и осознание его необходимости как особой общественной сферы»⁴, отделив от государства и имеющей свое собственное назначение и социально-культурное пространство коммуникаций.

Современное гражданское общество — это общество информационное, что обусловлено технологической революцией конца XX — начала XXI в., компьютеризацией и информатизацией всех сфер общественной практики, статусом информации как нематериального ресурса, товара, продукта повседневного потребления. Именно информационное коммуникативное пространство формирует личностно-ориентированное гражданское общество, что происходит посредством центров коммуникации внутри самого гражданского общества. Известный немецкий социолог Никлас Луман отмечал, что формирование структуры сознания индивида происходит в процессе коммуникации: различаемая информация присоединяется к уже существующим нормам и установкам, если между ними есть структурное сходство, и становится основой для дальнейшей деятельности индивида⁵. Такие формы общественного сознания, как наука, право, мораль, религия, политика, являются, по сути, не только нормообразующими регуляторами, но и информационными системами. Они соединяют гражданское общество и публичную власть, нуждающуюся в трансляции и утверждении своих символов, главным из которых на сегодняшний день выступает демократия и ее процедуры.

Развитое гражданское общество становится союзником демократической публичной власти, которая опирается не столько на его институционализированные структуры, сколько на информационный отклик, общественное мнение, служащие одобрением или неодобрением политических решений. «В политической сфере, обращаясь к авторитету тех или иных идей справедливости, символические институции формируют принцип легитимности, пригодный для процессов функционирования власти и осуществления судопроизводства, для поддержания закона и порядка. Такая легитимация устанавливает объем юридических прав и процедур, которые указывают на коренные признаки человеческой и социальной идентичности: рождается центр системы символов, ценностей и верований, управляющих обществом»⁶. В гражданском обществе данные символы ретранслируются наиболее широким социальным слоем, в том числе посредством системы правового просвещения и образования. Это способствует формированию правосознания и тех личностных качеств,

² См.: Чаленко Е.А. Гражданское общество в России: историко-правовой анализ // Философия права. 2010. № 2. С. 50.

³ Якобсон Л.И. Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством. М., 2008. С. 14.

⁴ Там же. С. 16.

⁵ См.: Луман Н. Общество как социальная система. Ч. I: Общество общества. М., 2004. С. 69–83.

⁶ Исаев И.А. Символический порядок власти // История государства и права. 2016. № 18. С. 5.

которые образуют гражданственность как глубокое понимание своей принадлежности к обществу, его устоям и традициям, морали и закону.

В настоящее время в сферу публичных интересов снова вовлекается проблема воспитания патриотизма, ответственного отношения к своим правам и обязанностям по отношению к государству. Она не может быть разрешена только силами государства, но требует активного участия общественности, структур гражданского общества. На наш взгляд, именно это подразумевается положениями преамбулы Конституции РФ 1993 г., провозглашающими гражданский мир и согласие, уважение к памяти предков, ответственность перед нынешним и будущими поколениями⁷.

В процессе правового становления индивида, его социализации как ответственного члена общества воплощается одна из главных функций гражданского общества — легитимация права. И.А. Честнов рассматривает ее как «процесс символического воздействия власти на общественное мнение»⁸, что особенно значимо для современной России, стремящейся отойти от патерналистских тенденций прошлого. Опора власти на социально активные группы внутри гражданского общества придает ей качество устойчивости, отсутствие взаимодействия, напротив, может вылиться в утрату контроля над социально значимыми процессами, распространение чувств безответственности, бессилия, агрессивности, приводящих к протестным действиям, не всегда лежащим в рамках правового поля⁹.

Варьирование жесткости политического режима и применяемых им средств допускает возможность противостояния власти и институтов гражданского общества. Распространенное ныне в российском социуме ощущение социальной несправедливости лишь разогревает, а не сглаживает ситуацию, что может стать крайне опасным в условиях экономического спада. Социально-политическое взаимодействие требует от власти активного участия в делах общества и его членов, проникновения в насущные социальные проблемы, прозрачности и открытости деятельности, доступности в информационном пространстве. «Такая власть утверждает свою данность через высказывание, заставляя видеть и верить, утверждать или изменять видение мира, оказывать квазимагическое воздействие на мир»¹⁰, — пишет

⁷ Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.

⁸ Честнов И.А. Легитимация права как функция гражданского общества // *Гражданское общество в России и за рубежом*. 2016. № 1. С. 21.

⁹ Авакян С.А. Гражданское общество как гарантия политического диалога и противодействия экстремизму: ключевые конституционно-правовые проблемы. М., 2015. С. 43–46.

¹⁰ Исаев И.А. Символический порядок власти // *История государства и права*. 2016. № 18. С. 8.

И.А. Исаев. Власть и гражданское общество существуют в едином информационном поле действия, где осуществляются демократические процедуры, ведется диалог, решающий поставленные задачи и ставящий новые. Это позволяет наглядно представить демократию в действии, охватывающую все общественные структуры и опирающуюся на коммуникационные технологии как инструмент гибкого взаимодействия в публичном пространстве.

В настоящее время в научном дискурсе существует множество теорий демократии — партиципаторная, корпоративная, делиберативная, имитационная демократия, полиархия и проч. «В политическом отношении информационное общество представляет собой демократию с широкими возможностями влияния избирателей на власть, их участия в формировании и осуществлении всех функций государства. Такие возможности реализуются во многом благодаря Интернету и коммуникационным технологиям, благодаря чему деятельность правительства становится более открытой и эффективной»¹¹. В постиндустриальном информационном обществе прямые и грубые способы вмешательства заменяются более мягкими формами воздействия на характеристики социальной системы, открытой для инноваций, в том числе и на структурные элементы политической системы.

Концепция прав на участие в публичной сфере не может ограничиваться инструментами либеральной демократии, подразумевающей реализацию электоральных процедур активного и пассивного избирательного права, а включает в себя взаимодействие между всеми социальными акторами. В эпоху глобализма, трансформации «старых», устоявшихся демократий, это стало возможным в результате расширения публичного пространства, изменения роли личности, гражданского общества и его институтов в социальных процессах. «Особенность современного этапа отношений “вызов общества — ответ личности”, — пишет К.Е. Сигалов, — состоит в том, что, с одной стороны, общество нуждается в неординарных личностях, с другой — общество, а затем и государство стремятся всемерно подчинить себе эту личность, ибо всякий выбивающийся из системы “общего порядка” является потенциальной угрозой. Так было всегда, но глобализированный современный мир до предела обострил эту ситуацию»¹². Страны Запада, долгое время считавшиеся эталоном демократического развития, вступили в полосу затяжного кризиса, а Евросоюз столкнулся с угрозами собственному существованию. Меры по исправлению ситуации недостаточны и не вызывают поддержки

¹¹ Волкова Р.А., Семов А.В. Роль информационных технологий в становлении российского гражданского общества // *Гражданское общество в России: состояние, тенденции, перспективы*. Ульяновск, 2012. С. 48.

¹² Сигалов К.Е. Личностный правогенез и правовые вызовы современности // *Современные глобальные вызовы и национальные интересы: XV Международные Лихачевские научные чтения*, 14–15 мая 2015 г. СПб., 2015. С. 554.

населения, что приводит к смене политических предпочтений, соответственно чему на политической сцене появляются новые политические фигуры, олицетворяющие политические силы, ранее считавшиеся аутсайдерами.

Государство олицетворяет собой постоянную или временную стабильность общества, которой противостоит хаос народной жизни. Его назначением выступает правовой конструктивизм посредством методов юридического упорядочения поступков людей, придающих им правовые формы и вводящих их в публичное пространство. В то же

время, утрачивая под влиянием кризисных явлений признак стабильности, государство зачастую может оказаться неспособным самостоятельно гармонизировать социальный порядок, упорядочить институциональные отношения, особенно в условиях ослабления традиционных ценностей. Задача институтов гражданского общества, с одной стороны, выступить посредником между обществом и властью, представляя специфические интересы отдельных групп или социальных слоев, с другой — расширить сферу публичного, придать ей новые формы, необходимо возникающие в постиндустриальном обществе.

Литература

1. Авакьян С.А. Гражданское общество как гарантия политического диалога и противодействия экстремизму: ключевые конституционно-правовые проблемы / С.А. Авакьян. М. : Юстицинформ, 2015. 651 с.
2. Волкова Р.А. Роль информационных технологий в становлении российского гражданского общества / Р.А. Волкова, А.В. Семов // Гражданское общество в России: состояние, тенденции, перспективы : сборник научных трудов / редкол. : О.В. Шиняева (отв. ред.), И.Г. Гоношилина. Ульяновск : УлГТУ, 2012. С. 47–50.
3. Зайцев А.В. Институционализация диалога государства и гражданского общества: компаративный анализ / А.В. Зайцев. Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2014. 446 с.
4. Исаев И.А. Символический порядок власти / И.А. Исаев // История государства и права. 2016. № 18. С. 3–8.
5. Луман Н. Общество как социальная система. Ч. I: Общество общества / Н. Луман. М. : Логос, 2004. 640 с.
6. Сигалов К.Е. Личностный правогагенез и правовые вызовы современности / К.Е. Сигалов // Современные глобальные вызовы и национальные интересы : XV Международные Лихачевские научные чтения (СПб., 14–15 мая 2015) : сборник, изданный в память Д.С. Лихачева. СПб. : СПбГУП, 2015. С. 553–555.
7. Чаленко Е.А. Гражданское общество в России: историко-правовой анализ / Е.А. Чаленко // Философия права. 2010. № 2. С. 47–51.
8. Честнов И.Л. Легитимация права как функция гражданского общества / И.Л. Честнов // Гражданское общество в России и за рубежом. 2016. № 1. С. 21–25.
9. Якобсон Л.И. Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством / Л.И. Якобсон. М. : Вершина, 2008. 292 с.

МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ПРАВозащитных ОРГАНИЗАЦИЙ И УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РЕГИОНАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ (НА ПРИМЕРЕ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)

*Матвеева Елена Викторовна,
профессор кафедры всеобщей истории и социально-политических наук
Кемеровского государственного университета,
доктор политических наук, доцент
tev.matveeva@yandex.ru*

*Митин Александр Александрович,
доцент кафедры всеобщей истории и социально-политических наук
Кемеровского государственного университета,
кандидат политических наук
james_cold@mail.ru*

В статье анализируются особенности и деятельность неправительственных правозащитных организаций в субъектах Сибирского федерального округа — Кемеровской и Новосибирской областях. В качестве ключевой особенности, определяющей деятельность НПО, отмечается несоответствие таких показателей, как быстрый рост числа организаций при их неэффективности в период становления и развития, что приводит к их быстрой ликвидации. Авторами обосновываются две модели взаимодействия неправительственных организаций с уполномоченным по правам человека на примере Сибирского федерального округа — «модель сотрудничества» и «индивидуализированная модель». Наиболее перспективной в плане защиты прав граждан при участии не только уполномоченного по правам человека, но и правозащитных неправительственных организаций выступает «модель сотрудничества», получившая распространение в Новосибирской области. Менее удачной представляется «индивидуализированная модель» в Кемеровской области, которую отличают слабая организационная структура правозащитных организаций, неразвитость работы правозащитников среди населения, низкий уровень взаимодействия с другими организациями и органами власти. Выявленные модели взаимодействия между неправительственными организациями и уполномоченным демонстрируют разные возможности и формы работы с населением. При этом при организационной слабости неправительственных правозащитных организаций большая часть обязанностей и ответственности в защите прав граждан переносится на институт уполномоченного по правам человека.

Ключевые слова: гражданское общество, неправительственные правозащитные организации, институт уполномоченного по правам человека.

Models of Interaction between Non-Governmental Right Protection Organizations and the Commissioner for Human Rights in a Regional Political Process (on the Example of the Siberian Federal District)

*Matveeva Elena V.
Professor of the Department of World History and Sociopolitical Sciences
of the Kemerovo State University
Doctor of Political Sciences
Assistant Professor*

*Mitin Aleksandr A.
Assistant Professor of the Department of World History and Sociopolitical Sciences
of the Kemerovo State University
Candidate of Political Sciences*

The article analyzes the features and activities of non-governmental human rights organizations in the subjects of the Siberian Federal District — Kemerovo and Novosibirsk regions. As a key feature that determines the activities of non-governmental human rights organizations, there is a discrepancy between such indicators as the rapid growth of the number of organizations when they are ineffective during the period of formation and development, which leads to their rapid elimination. The authors substantiate two models of interaction of non-governmental organizations with the Commissioner for Human Rights on the example of the Siberian Federal District — the “model of cooperation” and the “individualized model”. The most promising in terms of protecting the rights of citizens, with the participation not only of the Commissioner for Human Rights, but also of human rights non-governmental organizations, is the “model of cooperation” that has become widespread in Novosibirsk region. The “individualized model” is less successful in Kemerovo region, which is distinguished by the weak organizational structure of human rights organizations, the underdevelopment of the work of human rights defenders among the population, and the low level of interaction with other organizations and authorities. The revealed models of interaction between non-governmental organizations and the Commissioner demonstrate different possibilities and forms of work with the population. At the same time, with the organizational weakness of non-governmental human rights organizations, most of the duties and responsibilities in protecting the rights of citizens are transferred to the institution of the Commissioner for Human Rights.

Keywords: civil society, human rights NGOs, the Ombudsman for human rights.

Вопросы дальнейшей трансформации институтов гражданского общества не теряют своей остроты и практической значимости с момента появления первых неправительственных организаций в России на рубеже 80–90-х гг. XX в. При этом, с одной стороны, на протяжении всех последних лет наблюдается существенный количественный рост правозащитных организаций в России. С другой стороны, сохраняется тенденция ограничения возможностей регистрации и деятельности НПО в условиях ужесточения нормативно-правовой базы в отношении неправительственных организаций¹. В этой связи надежды на правовую грамотность населения и защиту их интересов следует связывать с гражданской активностью и формами самоорганизации, формирующимися «снизу» на региональном уровне.

Авторами статьи предпринята попытка исследовать деятельность неправительственных правозащитных организаций в контексте взаимодействия с институтом уполномоченного по правам человека на примере регионов Сибирского федерального округа (Кемеровская и Новосибирская области), что позволит оценить реальные возможности политического участия правозащитников в региональных процессах.

Одной из главных особенностей развития неправительственных организаций является постоянный ежегодный рост численности организаций при сохранении весьма стабильной тенденции их быстрой ликвидации². По данным Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Кемеровской области, на начало 2013 г. в Кузбассе было зарегистрировано 1122 НПО, однако уже в 2016 г. их количество увеличилось до 2236 организаций (в Новосибирской области в 2016 г. количество НПО составляло 4603 организации)³.

Несмотря на такое значительное количество неправительственных организаций в Кемеровской области, организаций правозащитной направленности в 2016 г. зарегистрировано всего две — Кемеровская городская общественная организация «Союз правовой защиты граждан города Кемерово» и Кемеровская районная общественная организация «Защита гражданских прав жителей сельских территорий».

В отличие от Кемеровской области, ситуация с неправительственными правозащитными организациями в Новосибирской области выглядит

значительно лучше как в количественном, так и в качественном плане. На территории Новосибирской области, согласно данным портала «Правозащитная Россия», зарегистрировано 17 неправительственных правозащитных организаций⁴. Стоит отметить, что наряду с организациями правозащитной направленности зарегистрированы организации с узкой спецификой, такие как межрегиональная общественная организация «Лига избирательниц Сибири», межрегиональная общественная организация по защите прав женщин и детей «АССОЛЬ», межрегиональная общественная организация по защите прав человека и развитию гражданского общества «Правозащитный форум»⁵, филиал международной организации «Мемориал» — общественная организация «Новосибирское областное историко-просветительское и правозащитное общество “Мемориал”».

Недостаточная развитость правозащитных НПО на региональном уровне порой компенсируется работой уполномоченного по правам человека. На данный период времени институт уполномоченного по правам человека создан во всех субъектах Российской Федерации, включая регионы Сибирского федерального округа.

В Кемеровской области институт уполномоченного по правам человека появился в 2001 г. (Закон от 28 декабря 2000 г. № 108-ОЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Кемеровской области»), показав практически сразу востребованность среди граждан. Количество обращений граждан к Уполномоченному по правам человека в Кемеровской области ежегодно возрастает. Так, за период с 2001 по 2011 г. сотрудниками аппарата уполномоченного и его помощниками в муниципальных образованиях было рассмотрено 22362 индивидуальных и коллективных обращения граждан⁶, с 2012 г. ежегодно поступает более 3 тыс. обращений от граждан⁷.

Положительную роль в усилении роли и значения института Уполномоченного по правам человека в Кемеровской области среди населения сыграла работа, связанная с просвещением населения по вопросам разъяснения целей и задач функционирования нового для региона института. Так, в областной газете «Кузбасс» от 25 сентября 2001 г., в рубрике «Новая должность», была опубликована статья «С желанием добра и справедливости. Беседа с Уполномоченным по правам человека в Кемеровской области», а в

¹ Матвеева Е.В., Левин А.А. Неправительственные организации в современной России: к вопросу о политико-правовой трансформации // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 9.

² Матвеева Е.В. Современное состояние неправительственного сектора в России // Социально-гуманитарные проблемы современности: политика, социум, культура : монография. Красноярск, 2012. Т. 2.

³ Информация о зарегистрированных некоммерческих организациях в Кемеровской области // Официальный сайт Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Кемеровской области. URL: <http://unro.minjust.ru/NKO.aspx> (дата обращения: 04.03.2018).

⁴ Электронный интернет-портал «Правозащитная Россия». URL: <http://pravo-rus.ru> (дата обращения: 04.03.2018).

⁵ Информация о зарегистрированных некоммерческих организациях в Новосибирской области // Официальный сайт Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Кемеровской области. URL: <http://unro.minjust.ru/NKO.aspx> (дата обращения: 04.03.2018).

⁶ Волков Н.А. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Кемеровской области в 2011 г. Кемерово, 2012. 73 с.

⁷ Волков Н.А. О соблюдении прав и свобод человека и гражданина на территории Кемеровской области в 2014 году : доклад Уполномоченного по правам человека в Кемеровской области. Кемерово, 2015. 131 с.

газете «АИФ в Кузбассе» — статья «Он защищает права человека. С какими вопросами можно и нужно обращаться к Уполномоченному».

С момента своего создания Уполномоченный по правам человека в Кемеровской области взаимодействует с рядом неправительственных организаций, таких как Общественная палата Кемеровской области, ветеранские организации, профсоюзы и т.д. Основной формой взаимодействия является проведение совместных «круглых столов», конференций, семинаров, в ходе которых осуществляются обмен мнениями, детальная проработка обсуждаемых проблем и выработка плана действий на перспективу. Отдельные решения находят свое выражение в законодательном процессе. Однако можно утверждать, исходя из количества обращений и жалоб граждан, что данные формы работы крайне необходимы в работе уполномоченных во всех субъектах Российской Федерации, так как позволяют снять остроту социально-экономических проблем в сфере жилищного строительства, уголовного законодательства, а главное — в системе социальной защиты и обеспечения граждан.

Отметим, что среди названных направлений работы нет организаций, занимающихся исключительно правозащитной деятельностью, исходя из названия, заявленных целей и направлений деятельности. Особенностью НПО Кемеровской области является их фактическое деление на две группы: организации правозащитной направленности, не стремящиеся к разрешению ключевых проблем в области правозащиты и занимающиеся исключительно проблемами отдельных граждан; организации, активно взаимодействующие с аппаратом Уполномоченного по правам человека в Кемеровской области. Первая группа организаций к настоящему периоду времени практически прекратила свое существование. Вторая группа НПО вопросы правовой защиты населения включает в свои программы как одно из направлений деятельности, при этом значимость вопросов правозащиты определяется социально-классовым, профессиональным, гендерным и др. факторами. В итоге Уполномоченный по правам человека в Кемеровской области осуществляет взаимодействие со всем спектром неправительственных организаций, функционирующих в области.

Небольшая численность и неравномерное территориальное распределение правозащитных организаций в Кемеровской области не позволяют рассматривать подобные организации как равнозначных партнеров Уполномоченного по правам человека в Кемеровской области. Институт Уполномоченного по правам человека в Кемеровской области за период своего существования получил общественное признание и занял место ключевого общественного института, занимающегося решением целого спектра социально-экономических проблем в области защиты прав и свобод человека. В идеальном представлении о защите прав человека правозащитным

организациям для укрепления своего влияния среди населения необходимо сотрудничать с уполномоченным по правам человека, однако этого мы пока не наблюдаем.

Исходя из вышесказанного, в Кемеровской области получила развитие условно названная «индивидуализированная модель» взаимодействия уполномоченного по правам человека и неправительственных правозащитных организаций. Для данной модели в целом характерны: неразвитость работы правозащитных организаций, симуляционный принцип организации и работы правозащитников среди населения, практически полное отсутствие взаимодействия с уполномоченным и другими неправительственными организациями.

О более высоком уровне институционализации неправительственных правозащитных организаций можно говорить на примере Новосибирской области. Наряду с более представительным списком организаций, работой их с населением и органами власти, в пользу данного утверждения говорит и законодательное оформление института Уполномоченного по правам человека в Новосибирской области. Новосибирская область стала одним из последних регионов, где относительно недавно был создан институт уполномоченного (Закон от 10 декабря 2012 г. «Об Уполномоченном по правам человека в Новосибирской области»)⁸.

Одним из главных каналов взаимодействия Уполномоченного по правам человека в Новосибирской области с неправительственными организациями выступает совместная работа в рамках экспертного совета при уполномоченном по правам человека. За непродолжительный период существования уполномоченного установлено взаимодействие со всеми ключевыми структурами власти, институтами гражданского общества и образовательными учреждениями. Такое взаимодействие выстраивается, как правило, с позиции «равных партнеров», так как к моменту появления уполномоченного в Новосибирской области сложились весьма эффективные, организационно-оформленные правозащитные организации⁹.

В этой связи можно утверждать о формировании в Новосибирской области «модели сотрудничества», ориентированной на поддержку правозащитных организаций, выстраивание с ними взаимодействия со стороны института Уполномоченного по правам человека в Новосибирской области и с другими органами власти, привлечение неправительственных организаций к реализации региональных проектов и программ.

⁸ Закон «Об Уполномоченном по правам человека в Новосибирской области». URL: <http://www.rg.ru/2012/10/30/novosib-proekt-pravo-reg-dok.html> (дата обращения: 04.03.2018).

⁹ Доклад Уполномоченного по правам человека в Новосибирской области за 2014 г. URL: <http://www.upch.nso.ru/> (дата обращения: 04.03.2018).

Данная модель прямо противоположна модели, получившей развитие в Кемеровской области. Возможно, это связано с меньшей численностью населения, но причины нужно искать не только в этом. Безусловно, стоит отметить то, что федеральная политика должна быть адаптирована под конъюнктуру и особенности каждого региона, и если в каком-либо регионе есть проблемы в деятельности НПО, то через представителя государства (уполномоченного) данные проблемы могут быть разрешены, в том числе и на федеральном уровне. Только тогда коэффициент полезного действия правозащитных организаций в России будет на более высоком уровне. В этой связи можно согласиться с оценкой Агентства социальной информации¹⁰, соглас-

¹⁰ Агентство социальной информации. URL: <http://www.asi.org.ru> (дата обращения: 04.03.2018).

Литература

1. Волков Н.А. О соблюдении прав и свобод человека и гражданина на территории Кемеровской области в 2014 году : доклад Уполномоченного по правам человека в Кемеровской области / Н.А. Волков. Кемерово, 2015. 131 с.
2. Матвеева Е.В. Неправительственные организации в современной России: к вопросу о политико-правовой трансформации / Е.В. Матвеева, А.А. Левин // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 9. С. 38–42.
3. Матвеева Е.В. Современное состояние неправительственного сектора в России / Е.В. Матвеева // Социально-гуманитарные проблемы современности: политика, социум, культура : монография : в 2 т. Т. 2 / М.А. Ермолина [и др.]. Красноярск : Научно-инновационный центр, 2012. С. 73–98.

но которой важнейшей причиной того, что потенциал гражданской инициативы не используется в современном российском обществе, является отсутствие продуманной государственной политики по развитию неправительственных правозащитных организаций.

Прикладной задачей для правозащитного сообщества как совокупности организаций, групп и людей сегодня становится групповая рефлексия: выработка общей смысловой платформы, сущностных опор для деятельности единого сообщества, а не совокупности «нравственных личностей», развитие внутренней координации и принципов институционального партнерства. Представляется, что только так можно добиться заметного кумулятивного эффекта в результате деятельности самых разных организаций, групп и инициатив, позиционирующих себя правозащитными.

РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СПРАВЕДЛИВОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

*Чечельницкий Илья Валентинович,
руководитель Секретариата
Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации,
кандидат юридических наук
avtor@lawinfo.ru*

В статье рассмотрены актуальные проблемы развития представлений о справедливости в контексте прав человека, показаны тенденции формирования концепции прав человека во взаимосвязи с эволюцией представлений о нравственной, правовой, социальной справедливости, проанализирована взаимосвязь развития теории справедливости и прав человека с формированием концепций правового и социального государства.

Ключевые слова: права человека, справедливость, правовое государство, социальное государство.

Development of Justice Concepts within the Framework of Human Rights

*Chechelniczky Ilya V.
Head of the Secretariat of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation
Candidate of Legal Sciences*

The article reviews current problems of the evolution of justice in the context of human rights, shows the trends in the creation of the concept of human rights in connection with the evolution of perception of moral, legal, social justice, analyzes the relationship between the evolution of the theory of justice and human rights and creation of the concepts of legal and social state.

Keywords: human rights, justice, law-governed state, social state.

В современной России проблемы обеспечения справедливости законодательства, правотворческой и правоприменительной практики находятся в фокусе юридической науки и чрезвычайно востребованы обществом. Об этом свидетельствуют как результаты

социологических опросов¹, так и обширные научные

¹ Справедливость: как она понимается и как реализуется в современной России. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2016/doklady/3.4_rimskiy.pdf (дата обращения: 09.02.2018); Внутренний мир и изменения за

исследования, посвященные различным аспектам неискажаемой темы справедливости².

Однако неоправданно обделен вниманием вопрос о соотношении категорий справедливости и прав человека. Вместе с тем представляется, что исследование механизмов достижения справедливости общественного устройства и правовой системы в контексте прав и свобод человека и гражданина имеет перспективное значение, большой потенциал для научных исследований и практической реализации.

Процесс формирования идеи справедливости неразрывно связан с развитием представлений общества о правах человека, достоинстве личности и ценности человеческой жизни. Представления о справедливости как определенной мере поведения человека по отношению к другому человеку, возможно, появились наряду с формированием первых обществ. Вне социальной среды категория справедливости существовать не может, поскольку предполагает наличие отношений между людьми. Пока на острове у Робинзона Крузо³ не появился Пятница, оценить его поведение с позиции справедливости было невозможно, поскольку вне рамок человеческого общения не существует и справедливости или несправедливости, действуют объективные законы природы.

Вместе с зарождением общества и появлением первых представлений о справедливом и несправедливом начинается и процесс формирования идеи прав человека, которая включала в себя как установленную традициями, обычаями, нравственными, религиозными нормами меру дозволенного поведения человека, так и некий стандарт отношения к члену социума со стороны его соплеменников, ограничивающий или допускающий определенные формы поведения по отношению к «своим» и «чужим». Конечно, категории справедливости и прав человека в тот период значительно отличались от современных взглядов, что легко подтвердить на примере уклада жизни некоторых индейских племен, находящихся на догосударственной стадии развития, которые и в XX в. продолжали охотиться на соседей по острову с целью их уничтожения и употребления в пищу, полагая подобный образ действий по отношению к своим врагам вполне соответствующим их представлениям о справедливости и правах личности⁴. Отсюда можно сделать вывод, что в первобытном обществе, видимо,

действовала «справедливость в мире рыб»⁵, основанная на законах дикой природы, когда большая рыба может свободно сожрать маленькую.

С развитием человеческой цивилизации, становлением государственно-правовых институтов эволюционировали и представления общества о справедливости и правах человека, а законы природы уступили место социальным нормам, основанным на морально-нравственных ценностях. В дошедших до наших дней источниках права уже можно увидеть совершенно иной подход к категории справедливости, связанный с тем, чтобы уничтожить «преступников и злых, чтобы сильный не притеснял слабого»⁶. В данный период начинает формироваться идея справедливости как высший нравственный закон добра, который в дальнейшем получил развитие в трудах классиков античной философии — Сократа, Платона, Аристотеля, разработавших концепцию идеального государства, основанного на объединении свободных людей в целях лучшей жизни на принципах справедливости и гуманизма.

Зарождаются понятия распределяющей и уравнивающей справедливости, связанной с правом человека получить равное за равное либо получить соразмерное своему вкладу воздаяние⁷.

Философские концепции древнегреческих мыслителей нашли свое отражение в правотворческой и правоприменительной деятельности выдающихся юристов Древнего Рима, в чьих работах была провозглашена диалектическая взаимосвязь справедливости и прав человека. В данный период можно проследить и формирование четкого правового статуса личности, включающего права, обязанности, ответственность. Однако объем правомочий серьезно различался в зависимости от социального положения. Например, в Риме существовала значительная разница в правах патриция и плебея, гражданина Рима и живущего на присоединенных территориях, рабы были поражены в правах.

Новый этап в развитии представлений о справедливости и правах человека связан с развитием мировых религий, и в первую очередь христианства, закрепившего в морально-нравственном сознании европейской цивилизации высшую ценность человеческой жизни, императивы добра и гуманизма, признавшего бессмертие человеческой души и второстепенный характер человеческих законов по сравнению с божественными. В Средние века идеи о справедливом государственном устройстве, основанном на христианских духовно-нравственных императивах, получили развитие в трудах А. Августина, Ф. Аквинского, М. Падуанского и других. В данный

последние 10 лет. URL: <http://www.levada.ru/sites/default/files/izmeneniya.pdf> (дата обращения: 06.03.2018).

² См., например: Исмагилов Р.Ф. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели. СПб., 2017; Васильев О.Л. Справедливость на досудебных стадиях уголовного процесса России. М., 2017; Юридическая справедливость: проблемы теории и практики / под ред. д-ра юрид. наук, проф. И.В. Ростовщикова. Волгоград, 2017.

³ Дефо Д. Робинзон Крузо. URL: <http://rubook.org/book.php?book=177455> (дата обращения: 09.03.2018).

⁴ Зукофф М. Затерянные в Шангри-Ла. М., 2012.

⁵ Сен А. Идея справедливости. М., 2016. С. 59.

⁶ Законы вавилонского царя Хаммурапи. URL: <http://hist.msu.ru/ER/Etext/hammurap.htm> (дата обращения: 14.02.2018).

⁷ См.: Аристотель. Никомахова этика. URL: <http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/nikomah.txt> (дата обращения: 24.02.2018).

период развивалось и понятие естественного права как отражения в человеческом понимании высшего божественного закона, закрепляющего за людьми определенные права и обязанности.

Представление о личности, ее правах и свободах также претерпели значительные изменения, поскольку человек теперь рассматривался как подобие Бога на земле, как слуга божий или раб божий, но наделенный создателем определенными правами, свободой выбора, стремлением к добру. Постепенно уходит в прошлое рабство с его варварскими нормами поведения, ему на смену приходит относительно свободный труд, формируется как каноническое (церковное) право, так и более либеральное «право городов».

В данный и предшествующий периоды принцип справедливости в большей степени опосредован морально-нравственными нормами и отражал соразмерность деяния и воздаяния, преступления и наказания, труда и платы за него, взаимности в отношениях между людьми. Идея прав человека отражалась в форме представлений о должном отношении к личности в качестве представителя определенно-го сословия.

Вместе с тем говорить о формировании в тот период категории прав человека в нынешнем понимании преждевременно, поскольку в средневековом обществе продолжали существовать многие традиции, рассматриваемые сегодня как вопиющая несправедливость и попрание всяких прав личности, например *jus prima noctis*⁸ у средневековых феодалов.

В Новое время возобладали концепции справедливости, основанные на идеях свободы и неотъемлемых естественных прав человека (Ф. Бэкон, Дж. Локк, Ш.Л. Монтескье, И. Кант, Г.В.Ф. Гегель). Данный период играл принципиально новую роль в развитии представлений о справедливости и правах человека, поскольку разработанные ранее философско-правовые учения получили второе рождение в рамках теории естественного права, послужившей основой формирования новой государственности на волне буржуазных революций XVII–XVIII вв. в Европе и Северной Америке.

Главное, что на данном этапе развития человеческой цивилизации впервые справедливость государственно-правового устройства была поставлена в зависимость от степени реализации идеи о существовании неотъемлемых прав личности, которые стоят выше закона и должны неукоснительно соблюдаться и защищаться государством. Основатель философии Нового времени Ф. Бэкон утверждал, что «власть и государство всего лишь придатки справедливости»⁹, а «...справедливость состоит в том, чтобы не делать другому того, чего не желаешь себе...»¹⁰.

⁸ Право первой ночи.

⁹ Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000452/st007.shtml> (дата обращения: 24.02.2018).

¹⁰ См.: Там же.

Это был принципиально новый взгляд на социальный порядок, поскольку прежде государство всегда рассматривалось с позиции высшей ценности по отношению к личности. Классики естественной школы права полагали, что права человека и справедливость предшествуют установленному позитивному закону и существующему государственному устройству, поэтому в случае возникновения противоречий естественное право имеет приоритет над действующим законом¹¹.

Именно в данный период окончательно формируется идея правовой справедливости, выражающаяся в осознании необходимости борьбы за справедливые законы, равные права и свободы для всех без исключения граждан вне зависимости от сословия, расы, национальности, пола, за равенство всех перед законом и судом, соразмерность прав и обязанностей. Идея правовой справедливости, реализованная в политико-правовой мысли и в нормативных правовых актах, послужила катализатором признания, законодательного закрепления и защиты личных и политических прав человека и гражданина.

Синтез идеи справедливого государственного устройства и теории прав человека привел к формированию в XVII–XIX вв. концепции правового государства, рассматривающей государство в качестве продукта соглашения между свободными людьми, созданного под влиянием права для торжества справедливости. Концепция правового государства была разработана в трудах Ш.Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта, В. Велькера, Р. Иеринга.

В ее основу была заложена идея соответствия государства определенным морально-нравственным требованиям, среди которых важнейшее место занимали приоритет прав и свобод человека и гражданина, верховенство правового закона, разделение ветвей государственной власти, ее легитимность, гражданское общество. В этот период формируется идея верховенства права и справедливости над государством и законом, необходимости обязательного соответствия принимаемых законодательных актов морально-нравственным требованиям справедливости.

В отечественной философии права концепция правового государства разрабатывалась в трудах В.М. Гессена, Н.М. Коркунова, П.И. Новгородцева и др. На государственном уровне идея правового государства впервые начала реализовываться в политике императора Александра I и получила развитие в период Великих реформ императора Александра II. Вместе с тем в России данный процесс происходил с определенной спецификой, связанной с Октябрьской революцией и построением в XX в. Советского Союза, где преобладали концепции общенародного государства и государства законности, которые впоследствии трансформировались в концепцию социалистического правового государства¹².

¹¹ См.: Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. М., 1955. С. 164.

¹² См., например: Кутафин О.Е. Советское социалистическое правовое государство. М., 1990.

Впервые на законодательном уровне идея правового государства получила реализацию в Конституции Российской Федерации¹³, ст. 2 которой провозгласила Российскую Федерацию демократическим, федеративным, правовым государством, а человека, его права, свободы и интересы — высшей ценностью. Кроме того, значительной гарантией обеспечения прав человека и восстановления справедливости стало правовое закрепление института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (далее — Уполномоченный).

Таким образом, развитие представлений о справедливости способствовало признанию личных прав человека, их дальнейшая эволюция применительно к общественному устройству привела к формированию в начале XX в. социальных прав человека. Появление концепции социальной справедливости и социальных прав человека во многом было связано с тем, что в первой половине XX в. ряд государств столкнулись с мощным экономическим кризисом, поставившим под сомнение идею регулирования социальных отношений исключительно по законам свободного рынка. В результате стало очевидно, что либеральный подход к построению правового государства, основанный на невмешательстве государства в экономику и отсутствии гарантированных социально-экономических прав, нуждается в совершенствовании, в связи с тем, что заложенная в его основу концепция правовой справедливости, построенная на идее свободы и равенства прав граждан, не может в полной мере обеспечить справедливое общественное устройство, поскольку равноправие не гарантирует реального равенства возможностей, особенно по отношению к наименее социально защищенным группам населения (пенсионеры, инвалиды, студенты, одинокие матери и др.).

Тогда в основу государственного строительства была положена идея социального государства, впервые появившаяся в трудах немецкого философа Л. Штейна в середине XIX в., в качестве равенства в правах различных групп населения, в том числе обеспечиваемого путем введения обязательного социального страхования. В социальном государстве политика ориентируется на реализацию принципа социальной справедливости путем государственного регулирования экономики и эффективной налоговой политики, направленной на перераспределение материальных благ в целях достижения достойного уровня жизни всего общества и сокращения социального неравенства.

В отличие от правового государства в социальном государстве гарантируются не только личные и политические, но и социально-экономические и культурные права человека, государство выступает не «ночным сторожем», а активным участником

процессов экономики, свобода индивида ограничивается требованием защиты прав и свобод других лиц, в том числе менее успешных и социально защищенных.

Основой социального государства являются идеи справедливого общества, гуманизма, равных возможностей для всех. Социальная справедливость связана с соразмерным распределением материальных и нематериальных благ в обществе и может быть достигнута только путем сбалансированного распределения доходов и богатства, обязанностей и прав, власти и почестей, основанного на «диалектическом сочетании элементов равенства и неравенства»¹⁴. Социальная справедливость представляет собой меру сбалансированности всевозможных личных и общественных интересов, которая обеспечивает их максимальное сближение и движение общества по пути прогресса.

К сожалению, в настоящее время построение в России реально действующего социального государства, обеспечивающего полноценную возможность реализации гражданами своих социальных прав, представляется отдаленной перспективой, что подтверждается, в частности, статистикой обращений граждан, поступающих Уполномоченному. Большая часть людей обращаются именно за защитой своих социальных прав. Бедность значительной части населения современной России ярко иллюстрирует актуальность вопроса о построении социального государства. Особенно остро стоят проблемы, связанные с обеспечением права на труд и на жилье. Традиционно граждан волнуют невыплата заработной платы, необоснованные увольнения, неполучение социальных выплат и пособий, рост тарифов ЖКХ, невозможность переселения из ветхого жилья и др.

В связи с этим представляется актуальной идея создания специального гарантийного фонда за счет отчислений работодателей для погашения оставшейся задолженности по заработной плате, не выплаченной в процессе банкротства по причине недостаточности имущества должника.

Кроме того, необходимо принять меры к расширению программ переселения граждан из ветхого и аварийного жилья, возможностей для получения льготных кредитов на приобретение социального жилья для малообеспеченных семей, ввести дополнительные гарантии для добросовестных приобретателей жилья и лиц, заключающих договоры долевого строительства.

Подводя итог, необходимо отметить, что проведенный анализ эволюции представлений о справедливости и правах человека, с одной стороны, показал взаимосвязь идеи справедливости и понимания правового статуса личности с морально-нравственными представлениями общества о добре и зле, существующими в определенную эпоху.

¹³ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 4. Ст. 445.

¹⁴ Мальцев Г.В. Социальная справедливость и право. М., 1977. С. 166.

С другой стороны, необходимо признать, что идеи прав человека и справедливого общественного устройства зародились тысячи лет назад и с тех пор их ценность нисколько не уменьшилась. Меняя внешнее содержание, сущность концепции справедливого общества, основанного на морально-нравственных идеалах и идеалах прав человека, приписывающая личности определенный набор правомочий, норм поведения по отношению к себе и другим, получила развитие и наполнение вместе с эволюцией человеческой цивилизации по пути прогресса и сегодня является высшей ценностью цивилизованного мира.

Кроме того, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что права человека и категория справедливости неразрывно связаны на всех этапах развития человечества. При этом права человека, как и право в

целом, не имеют смысла, если оторваны от справедливости. Более того, права человека, если они лишены глубокой нравственной основы, могут быть опасны для общества и для самого человека.

Сегодня данная проблема особенно актуальна, поскольку в настоящее время развиваются такие подходы к правам человека, которые не существовали ранее, и возникает большой вопрос: куда человечество может привести признание «права на смерть» или других «инновационных прав», которые сегодня получают широкое распространение в европейских государствах? Представляется, что Россия, находясь в авангарде защиты прав человека, должна продолжать бороться за признание традиционных духовно-нравственных ценностей основой прав человека и единственно возможной предпосылкой построения справедливого общества.

Литература

1. Аристотель. Никомахова этика. URL: <http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/nikomah.txt> (дата обращения: 24.02.2018).
2. Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000452/st007.shtml> (дата обращения: 24.02.2018).
3. Васильев О.А. Справедливость на досудебных стадиях уголовного процесса России / О.А. Васильев. М. : Юрлитинформ, 2017. 341 с.
4. Дефо Д. Робинзон Крузо. URL: <http://rubook.org/book.php?book=177455> (дата обращения: 09.03.2018).
5. Зукофф М. Затерянные в Шангри-Ла / М. Зукофф. М. : Эксмо, 2012. 346 с.
6. Исмагилов Р.Ф. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели / Р.Ф. Исмагилов. СПб. : Фонд «Университет», 2017. 321 с.
7. Кутафин О.Е. Советское социалистическое правовое государство / О.Е. Кутафин. М. : О-во «Знание» РСФСР, 1990. 53 с.
8. Мальцев Г.В. Социальная справедливость и право / Г.В. Мальцев. М. : Мысль, 1977. 255 с.
9. Монтескье Ш.Л. Избранные произведения / Ш.Л. Монтескье ; общ. ред. и вступ. статья проф. М.П. Баскина. М. : Госполитиздат, 1955. 800 с.
10. Сен А. Идея справедливости / А. Сен. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. 517 с.
11. Юридическая справедливость: проблемы теории и практики / под ред. д-ра юрид. наук, проф. И.В. Ростовщикова. Волгоград : Волгоградский гос. ун-т, 2017. 406 с.

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ — ЕСТЕСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

*Вражнов Алексей Сергеевич,
кандидат юридических наук
va75@rambler.ru*

В настоящей статье рассмотрены основные причины правового нигилизма в нашем государстве. К их числу отнесены: фиктивность отдельных положений Конституции Российской Федерации, в том числе в отношении референдума, регулирование правовых отношений в стране с помощью подзаконных нормативно-правовых актов, избирательность правосудия, проблемы с социальной мобильностью и размером пенсионного обеспечения граждан, противоречие норм права и морально-нравственных норм, а также перечень и содержание передач на крупнейших телерадиоканалах.

Ключевые слова: правовой нигилизм, российское общество, нормативно-правовые акты, избирательность правосудия, социальная мобильность, размер пенсий, морально-нравственные нормы.

Legal Nihilism — a Natural State of the Modern Russian Society

*Vrazhnov Aleksey S.
Candidate of Legal Sciences*

In present article principal causes of legal nihilism in our state are considered. To their number are carried: fictitiousness of separate positions of the Constitution of the Russian Federation, including concerning a referendum, regulation of legal relations

in the country by means of subordinate normative legal acts, selectivity of justice, a problem with social mobility and the size of a provision of pensions of citizens, the contradiction of norms of the right and moral norms, and also the list and the maintenance of transfers on the largest teleradio channels.

Keywords: *legal nihilism, the Russian society, normative legal acts, selectivity of justice, social mobility, the size of pensions, moral norms.*

В последние годы проблема правового нигилизма в российском обществе широко обсуждается на заседаниях в органах государственной власти и местного самоуправления, в средствах массовой информации и в научной литературе (исторические, социологические и юридические исследования). Как свидетельствуют труды ученых, правовой нигилизм не является только российской проблемой, так как широко распространен и на территории иных стран, ранее входивших в состав СССР¹.

В юридической доктрине существует множество определений понятия правового нигилизма, приведем некоторые из них:

1) «правовой нигилизм представляет собой направление общественно-политической мысли, отрицающей социальную и личностную ценность права и считающей его наименее совершенным способом регулирования общественных отношений»²;

2) правовой нигилизм — это «проявление определенного правосознания, признающего право, но понимающего его иначе — не так, как понимают его другие»³;

3) «правовой нигилизм — это отрицательное отношение к праву, закону и правовым формам организации общественных отношений»⁴.

В самом общем виде, можно согласиться с Д.Н. Михеевым и признать, что правовой нигилизм — это «неверие в право и/или даже презрение права как неценного явления»⁵.

Российский правовой нигилизм имеет сложную природу, и его нельзя связывать лишь с наследием прошлого, как считают отдельные исследователи⁶. На наш взгляд, безразличие и презрение к праву, которые естественно существовали и в период монархии, и в советское время в России, глубоко укоренились в повседневной жизни каждого человека и на

государственном уровне, вплоть до высших должностных лиц, именно за последние 25 лет непрерывных реформ при переходе общества от социализма к капитализму.

Правовой нигилизм является естественным состоянием современного российского общества, и его основные причины, по нашему мнению, следующие.

Правовые причины

Во-первых, ряд положений Конституции Российской Федерации являются фиктивными⁷, референдумы не проводятся, правовые отношения в государстве фактически регулируются подзаконными нормативно-правовыми актами, зачастую ведомственного уровня, так как содержание большинства федеральных законов отражает лишь общие положения о регулируемом предмете их деятельности, которые не обладают какой-либо практической ценностью для физических и юридических лиц.

Во-вторых, в стране продолжает сохраняться избирательность правосудия в зависимости от занимаемой лицом должности и его имущественного положения, проявляющаяся наиболее ярко в административном и уголовном судопроизводстве⁸. Судьи, которые должны быть независимыми и беспристрастными арбитрами, при рассмотрении дел с участием высокопоставленных чиновников или крупных предпринимателей, зачастую бездоказательно принимают позицию именно данных лиц, так как осознают их возможное влияние на органы судебного сообщества в целом и карьеру конкретного судьи в частности⁹.

¹ См.: Оразалиева А.М., Ажиметова З.А. Правовой нигилизм и правовой идеализм как формы деформации правосознания // *Юридическая мысль*. 2012. № 6. С. 63–67; Солоцкий Д.Г. Правовой нигилизм как фактор, препятствующий формированию гражданского общества в Республике Беларусь // *Вестник Полоцкого государственного университета*. Серия D: Экономические и юридические науки. 2011. № 14. С. 126–128; и др.

² Общая теория права и государства : учебник / под ред. В.В. Лазарева. М. : Юрист, 1994. С. 169.

³ Невважай И.Д. Типы правовой культуры и формы правосознания // *Известия высших учебных заведений*. Правоведение. 2000. № 2. С. 27.

⁴ Теория государства и права : учебник / отв. ред. В.Д. Первалов. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2011. С. 227.

⁵ Михеев Д.Н. Правовой нигилизм как социально-правовое явление // *Молодой вчений*. 2014. № 1. С. 108.

⁶ См.: Лайтер А.В. Правовой нигилизм как фактор деформации правовой культуры России // *Вопросы культурологии*. 2009. № 2. С. 40.

⁷ Например, ч. 1 ст. 7, ч. 1 ст. 15 (в части прямого действия), ч. 1 ст. 19, ч. 2 ст. 19 (в части равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от имущественного и должностного положения), ст. 31 Конституции Российской Федерации и др. См.: Конституция РФ : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Естественно, что избирательность российского правосудия не ограничивается только делами с участием высокопоставленных чиновников или крупных предпринимателей. В частности, во многих районных центрах сложилась ситуация, когда знакомство с судьей (помощником судьи, секретарем судебного заседания, иным работником аппарата суда) влияет на вынесение судебного решения в пользу определенной стороны, участвующей в деле.

⁹ Несмотря на то что в последние годы были возбуждены и расследуются уголовные дела в отношении отдельных высокопоставленных должностных лиц, нет уверенности в том (если не принимать во внимание политическую целесообразность), что даже при признании их виновными в ближайшее время они не будут освобождены от наказания или к ним не будет применена амнистия (помилование). В подтверждение сказанного можно привести пример с бывшим министром обороны нашего государства, когда он не был привлечен к уголовной ответственности, а к близкому к нему лицу — руководителю Департамента

Социально-экономические причины

Во-первых, в России крайне затруднена социальная мобильность для лиц, не имеющих семейно-родственных или дружеских связей с властными элитами и не обладающих значительными финансовыми ресурсами. В особенности данная ситуация характерна для провинции, в которой практически отсутствует возможность трудоустроиться (получить назначение) в органы государственной (муниципальной) власти или в коммерческие (некоммерческие) организации на руководящие позиции с достойной заработной платой, несмотря на имеющиеся у соискателя уровень образования, стаж работы по специальности, нахождение в резерве и т.д.

Во-вторых, назначенный размер пенсий по старости для лиц со страховым стажем в 35–40 лет, не превышающий в большинстве субъектов Российской Федерации 15000 руб., не обеспечивает даже минимального уровня достатка и позволяет лишь выживать бывшим работникам промышленности, сельского хозяйства, здравоохранения, образования и культуры.

Духовные причины

Во-первых, содержание действующих нормативно-правовых актов и сложившаяся правоприменительная практика в стране зачастую не соответствуют морально-нравственным нормам, к которым российское общество более привержено по своему менталитету¹⁰. Ежегодно увеличивающееся число

имущественных отношений Министерства обороны Российской Федерации после незначительного времени реального отбытия наказания было применено условно-досрочное освобождение.

¹⁰ Наиболее характерным примером противоречия правовых и морально-нравственных норм можно признать ситуацию, произошедшую с 95-летней Любовью К., являющейся ветераном Великой Отечественной войны. В ноябре 2017 г. Ленинский районный суд г. Курска обязал ее выплатить значительные денежные средства в пользу владельцев автомашин, пострадавших от обрушения кирпичной облицовки деревянного дома дореволюционной постройки, в котором она проживала. Исходя из требований закона, Любовь К. должна нести бремя содержания принадлежащего ей жилого помещения, однако, принимая во внимание ее заслуги перед Родиной, почтенный возраст и состояние здоровья, вопиющее безразличие уполномоченных органов власти и должностных лиц к фактической аварийности дома, а также

законов и подзаконных актов, принимаемых под влиянием сиюминутных выгод и амбиций отдельных должностных лиц и их коалиций и не отвечающих представлениям населения о справедливости, не способно вернуть доверие к праву как к регулятору общественных отношений.

Во-вторых, информационный фон крупнейших каналов отечественного телерадиовещания целенаправленно возбуждает в людях низменные желания (конформизм, безудержное стремление к власти, деньгам и славе, не считаясь со способами их достижения, беспорядочные половые связи, поощрение невежества, вера в паранормальные явления и др.)¹¹.

Естественно, что обозначенный нами перечень основных причин правового нигилизма современного российского общества не является исчерпывающим. В частности, к их числу относятся: отсутствие реальной политической конкуренции в стране, недостатки применяемых государством мер по профилактике правонарушений, низкий уровень правовой культуры населения и др.

Подводя итог настоящей публикации, констатируем: правовой нигилизм в нашем государстве будет существовать до тех пор, пока власть при участии гражданского общества не начнет реальные изменения во всех сферах общественной жизни в России. В противном случае в будущем нас ждет нарастание безразлично-презрительного отношения населения к праву, следствием которого станут политические потрясения в стране.

проводившиеся строительные работы по устройству фундамента расположенного рядом торгового комплекса «Европа», претензии к ветерану со стороны автовладельцев являются фактически кощунством и трусостью с их стороны, так как они не осмелились предъявить иски к администрации города (района) и (или) собственнику указанного коммерческого объекта. См.: Волкова С. Суд постановил взыскать с 95-летней участницы ВОВ 572 000 рублей за обвалившуюся на иномарки стену ее дома. URL: <https://www.kp.ru/daily/26761/3792842/>; Гражданское дело № 2-2890/10-2017 // Ленинский районный суд г. Курска.

¹¹ Наш взгляд, наиболее характерными примерами разлагающих передач являются: реалити-шоу «Дом 2», «Битва экстрасенсов», ток-шоу «Пусть говорят», телесериалы «Универ», «СашаТаня», квазиинформационные новостные программы («Вести недели с Дмитрием Киселевым», «Специальный корреспондент»).

Литература

1. Волкова С. Суд постановил взыскать с 95-летней участницы ВОВ 572 000 рублей за обвалившуюся на иномарки стену ее дома. URL: <https://www.kp.ru/daily/26761/3792842/>
2. Лайтер А.В. Правовой нигилизм как фактор деформации правовой культуры России / А.В. Лайтер // Вопросы культурологии. 2009. № 2. С. 38–40.
3. Михеев Д.Н. Правовой нигилизм как социально-правовое явление / Д.Н. Михеев // Молодой ученый. 2014. № 1. С. 108–111.
4. Невважай И.Д. Типы правовой культуры и формы правосознания / И.Д. Невважай // Известия высших учебных заведений. Серия: Правоведение. 2000. № 2. С. 23–31.
5. Общая теория права и государства : учебник / под ред. В.В. Лазарева. М. : Юрист, 1994. 360 с.
6. Оразалиева А.М. Правовой нигилизм и правовой идеализм как формы деформации правосознания / А.М. Оразалиева, З.А. Ажиметова // Юридическая мысль. 2012. № 6. С. 63–67.
7. Солоцкий Д.Г. Правовой нигилизм как фактор, препятствующий формированию гражданского общества в Республике Беларусь / Д.Г. Солоцкий // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. 2011. № 14. С. 126–128.
8. Теория государства и права : учебник / отв. ред. В.Д. Перевалов. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2011. 496 с.

ОСНОВНЫЕ КРИТЕРИИ РАЗВИТИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ

*Багиров Илья Хангусейнович,
аспирант Международного юридического института
ibagirov1992@mail.ru*

Автор рассматривает актуальные вопросы становления правосознания и выделяет критерии его развития в современном обществе. В статье представлен с использованием методов компаративистики сравнительный анализ концепций относительно выделения уровней и критериев развития правосознания. Проанализированы работы зарубежных и отечественных исследователей в области развития личности и правосознания. Автор концентрирует внимание на том, что развитие правосознания должно изучаться в юридической науке в совокупности с развитием личности. В процессе исследования выделены внешние и внутренние факторы, влияющие на развитие и формирование правосознания. Доказано, что на развитие правосознания оказывают влияние такие внешние факторы, как окружающая социальная среда — это общество в целом, образовательные организации, семья. Автором предложен рациональный и объективный подход в оценке уровней развития правосознания. Сделан вывод о том, что в исследовании развития уровней правосознания следует опираться на интегративный подход. Данный подход включает в себя выделение критериев, которые относятся к наиболее существенным сторонам правосознания.

Ключевые слова: правосознание, сознание, личность, уровни развития личности, критерии развития правосознания.

The Main Legal Consciousness Development Criteria

*Bagirov Ilya Kh.
Postgraduate Student of the International Law Institute*

The author considers topical issues of the formation of legal consciousness and identifies the criteria for its development in modern society. The article presents a comparative analysis of the concepts regarding the allocation of levels and criteria for the development of legal consciousness using the methods of comparativistics. The works of foreign and domestic researchers in the field of personality development and legal consciousness are analyzed. The author focuses on the fact that the development of legal consciousness should be studied in law science in conjunction with the development of personality. In the course of the research, external and internal factors influencing the development and formation of legal consciousness are identified. It is proved that the development of legal consciousness is influenced by external factors such as the environment of the social environment — a society as a whole, educational organizations, the family. The author proposes a rational and objective approach in assessing the levels of development of legal consciousness. It is concluded that the study of the development of the levels of legal consciousness should be based on an integrative approach. This approach includes the selection of criteria that relate to the most essential aspects of legal consciousness.

Keywords: legal consciousness, consciousness, personality, levels of personality development, criteria for the development of legal consciousness.

Изучение проблем правового сознания, исследование его понятия, сущности, влияния на жизнь как отдельного индивида, так и общества в целом неизменно находится в центре внимания не только видных юристов, но и многих философов, психологов, социологов. Исследование вопросов правосознания крайне важно, поскольку «успешное функционирование государства существенно зависит от уровня правового сознания населения»¹.

Важнейшим в изучении правосознания является вопрос о его развитии, поскольку, проникнув в природу развития правосознания, можно раскрыть суть формирования положительного правосознания, лишённого различного рода деформаций.

Важно понимать, что правосознание развивается в течение всей человеческой жизни. Оно начинает формироваться с раннего возраста под влиянием различного рода факторов, именно в ранние годы закладывается фундамент формирования правосознания индивида². Огромное влияние на развитие

правосознания формирующейся личности оказывает окружающая правовая среда, от степени развития правовых норм, их функционирования зачастую зависит уровень человеческого правосознания³.

Родившийся ребенок еще не обладает правосознанием, оно начнет формироваться у него только в процессе социализации. Поэтому развитие правосознания тесным образом связано с развитием личности, и разделение проблематики психологии личности и психологии сознания является достаточно условным. В подтверждение данного утверждения приведем в пример психологическую теорию деятельности, согласно которой «мыслит, воспринимает, запоминает реальный человек, движимый конкретными мотивами, имеющих определенные способности, характер и т.д.»⁴.

Сознание является высшей формой психического отражения действительности, оно развивается на базе более простых форм. Правосознание, являясь

¹ Певцова Е.А. «Функции правосознания учащейся молодежи: состояние и проблемы развития» // Lex Russica. 2006. Т. LXV. № 5. С. 881.

² Певцова Е.А. Современная теория правосознания молодежи: теоретико-правовые аспекты // Гражданин и право. 2007. № 3. С. 9.

³ Певцова Е.А. Из истории развития законодательства о правах молодежи России // История государства и права. 2007. № 20. С. 10–12; Певцова Е.А. Роль юристов и педагогов в формировании правосознания несовершеннолетних // Народное образование. 2006. № 9. С. 186.

⁴ Общая психология : в 7 т. / под ред. Б.С. Братуся. Т. I: Соколова Е.Е. Введение в психологию : учеб. для студ. высш. учеб. завед. М. : Академия, 2005. С. 251.

частью системы сознания, строится на социальном опыте и направленности личности.

В научных кругах относительно критериев развития правосознания еще нет единой сформировавшейся точки зрения.

Широкое распространение в научной литературе получил подход, в котором основным критерием правосознания является правовая информированность личности — знания, умения владеть нормами права и т.д. (М.Н. Марченко, В.М. Боер и др.). Основываясь на этом критерии, выделяют такие уровни правовой информированности населения, как элементарно необходимый, низкий и высокий⁵.

Первый уровень характеризуется в основном усвоением бесконфликтных правил поведения, которые являются необходимым условием коммуникации социальных связей. Подобные правила усваиваются и реализуются по большей части интуитивно. Носители второго уровня относительно свободно ориентируются в правовых ситуациях, опираясь на общие принципы и постоянно реализуемые нормы права, они способны к осмыслению содержания нормативно-правовых актов и могут ориентироваться в выборе варианта поведения. Для третьего уровня характерен постоянный интерес индивида к праву, наблюдается потребность получения, расширения правовой информированности.

Недостатком информационного подхода является недостаточность оснований для раскрытия правосознания как целостного явления.

Другие авторы, такие как А.М. Столяренко, В.Я. Кикоть, критерием уровня развития правосознания считают правовые свойства и качества личности. «Правовая сформированная личность» — это результат правовой социализации, для которой характерны такие свойства, как правовая воспитанность, образованность, обученность и развитость. Эти свойства являются важнейшими элементами правосознания и формируют в своей совокупности правовую культуру личности⁶. Представители данного подхода утверждают, что ключевую роль в правовом поведении играет правовая воспитанность индивида. Значимость трех других вышеперечисленных свойств располагается друг за другом: правовая образованность, обученность, развитость.

Также существует подход, в основе которого лежит концепция Ж. Пиаже и Л. Колберга, в соответствии с которой критерии правосознания определяются по аналогии с нравственным сознанием. Ж. Пиаже при анализе нравственного человеческого развития пришел к выводу, что оно, как и умственное, имеет стадийный, прогрессивный характер.

⁵ Общая теория государства и права : акад. курс : в 2 т. / под ред. М.Н. Марченко. Т. 2: Теория права. М. : Зерцало, 1998. С. 14–15.

⁶ Юридическая педагогика / под ред. В.Я. Кикоты, А.М. Столяренко. М. : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2004. С. 242–243.

Л. Колберг выделил три уровня морального развития: доконвенциональный, конвенциональный и постконвенциональный.

На первом уровне нормы права являются чем-то внешним для человека, а следует он им только из-за страха наказания или авторитета закона.

Второй уровень характеризуется тем, что человек стремится поддерживать нормы, соответствовать сложившимся в обществе стереотипам, имеет тягу к доверительным отношениям, уважению и лояльности.

Третий уровень, как утверждает Л. Колберг, достигается только после 20 лет небольшим количеством индивидов, на этой стадии внутренние этические качества, такие как совесть, побуждают следовать нормам закона.

Основываясь на вышеперечисленных уровнях, Д. Тапп проводила исследования особенностей правосознания индивидов различных стран и культур, таких как США, Япония, Греция, Дания, Индия и Италия⁷. В нашей стране проводились аналогичные исследования правосознания, основанные на методике Д. Тапп, такими учеными, как М.И. Воловикова⁸ и О.Н. Николаева⁹. При соотношении с правосознанием эти уровни, по их мнению, представляют собой следующее:

Первый уровень включает в себя тех, кто считает, что законы являются средством предупреждения преступности, обеспечивая безопасность граждан, подчиняются им благодаря авторитету власти и страха наказания.

Представители второго уровня считают законы средством поддержания общественного порядка, необходимость их исполнения видят как способ борьбы с анархией и хаосом.

Третий же уровень является уровнем законотворчества. Те немногие, кто может достигнуть этого уровня, способны отличать ценности социального порядка от общечеловеческой этики, принципы справедливости от конкретных законов.

Работами таких ученых, как Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.В. Петровский, Д.Б. Эльконин, В.И. Слободчиков и др., раскрывается влияние смены деятельности индивида на периодизацию развития личности. По их мнению, стадии индивидуального развития, осознание социальных норм не привязаны к определенному возрасту, они следуют друг за другом на протяжении всей жизни. Правосознание не

⁷ Tapp, J. L., Kohlberg, L. Developing senses of law and legal justice // Law, justice and the individual in society. N.Y. : Holt, Rinehart & Winston, 1977. P. 89–105; Tapp, J. Legal socialisation across age, culture, and context: psychological and legal justice systems. N.Y. : Stanford Law Review, 1987.

⁸ Воловикова М.И. Нравственно-правовые представления в российском менталитете // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 5. С. 16–23.

⁹ Николаева О.П. Морально-правовые суждения и проблема развития морального сознания в разных культурах : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М. : Ин-т психологии РАН, 1992. 26 с.

остаётся неизменным, оно подвержено постоянному изменению даже в зрелом возрасте.

Развитие индивидуального правосознания зависит от сложной совокупной системы взаимодействующих между собой факторов, таких как общее интеллектуальное развитие (А. Маслоу, А.Н. Леонтьев и др.) и эмоциональное развитие (П. Хайду, Г. Дюпон). Также на развитие правосознания оказывают влияние такие внешние факторы, как окружающая, социальная среда — общество в целом, образовательные учреждения, семья. Антисоциальная среда оказывает немаловажное влияние на развитие правосознания (А.И. Донцов, В.Г. Морогин, Б.С. Братусь и др.).

Таким образом, развитие правосознания зависит от действия различного рода внешних и внутренних факторов.

Весьма интересной относительно критериев развития правосознания является позиция Л.А. Ясюковой. Данным исследователем выделено четыре уровня развития правосознания:

Первый уровень выражается в правовом нигилизме — непризнание человеком правового регулирования, отрицательное отношение к праву, ориентация только на нравственно-моральные убеждения. Правовой нигилизм является деформационной формой правосознания, как правило, истоки его формирования лежат в раннем возрасте¹⁰.

Второй уровень — противоречивое, не полностью сформированное правосознание, ввиду несформированности правосознания регулирует человеческое поведение в пределах какой-то определенной сферы.

Третьим уровнем считается почти полностью сформированное правосознание, однако ещё сохраняется некоторое отрицательное отношение к правовым нормам, при этом индивид старается выполнять предписания, установленные законом.

Четвёртый уровень — это полностью сформированное правосознание. Индивид осознаёт всю важность установленных законом правил поведения, умеет корректно и эффективно взаимодействовать с различными людьми, проявляя при этом терпимость к инакомыслию¹¹.

В педагогике и психологии весьма интересным является компетентностный подход (Н.В. Кузьмина, А.К. Маркова, В.И. Байденко, В.В. Сафронова и др.). Данный подход направлен на изучение развития правосознания студентов. В соответствии с этим подходом основным результатом получения образования должно стать приобретение студентами соответствующих компетентностей в таких сферах, как

интеллектуальная, социально-правовая, информационная, коммуникативная, а не просто усвоение определённых знаний. В основе данного подхода лежит правовая компетентность, именно её уровень будет определять развитие правосознания. Под правовой компетентностью понимается совокупность знаний, навыков, личностных установок, умений и ценностей. Поэтому объектом оценки развития правосознания должны являться не только знания, но и определённые умения, навыки работы с социально-правовой информацией, умение преподносить информацию и т.д. Таким образом, на формирование правовой компетентности огромное влияние оказывает образование, которое должно совершенствоваться для более эффективного развития правосознания¹².

Основы компетентностного подхода могут найти применение при формировании критериев оценки развития правосознания, однако правовая компетентность не имеет достаточной разработанности, в том числе в части выделения уровней правосознания.

Интегрирующим и основным критерием правосознания является правовое поведение, поскольку в нём раскрываются качества личности, такие как правовые знания, чувства, принципы.

В исследовании развития уровней правосознания следует опираться на интегративный подход. Данный подход включает в себя выделение критериев, которые относятся к наиболее существенным сторонам правосознания¹³. Этот подход определяет уровень развития правосознания по таким критериям, как:

- правовые знания, знания основных правовых принципов;
- глубина осознания социально-личностной значимости норм права. Этот критерий позволяет определить субъективное отношение к правовым нормам;
- правовая установка, направленность личности, воспитанность личности.

Для оценки уровня правосознания чаще всего используется такая шкала, как низкий, средний и высокий уровни.

Низкий уровень отмечается недостаточной осознанностью элементов правосознания, при таком уровне правовое поведение зачастую зависит от ситуаций, поскольку внутренние регуляторы, определяющие правовое поведение, слабо сформированы.

На среднем уровне отношение к праву, правовые знания, чувства, убеждения представляют некое единство и достаточно устойчивы. Правовое поведение стабильно, но все же, в некоторой степени, зависит от внешних факторов, представители данного уровня имеют установившееся правомерное поведение, однако не проявляется должная правовая активность.

¹⁰ Певцова Е.А. Теоретико-правовые основы преодоления правового нигилизма и формирования правовой культуры детей и молодежи : монография / Акад. правовой культуры детей и молодежи, АНО ВПО Центросоюза Российской Федерации «Российский ун-т кооперации». М., 2012.

¹¹ Ясюкова Л.А. Правосознание: диагностика и закономерности развития // Прикладная психология. 2002. № 4. С. 1–13.

¹² Певцова Е.А. Юридическая техника и проблемы развития образовательного законодательства // Юстиция. 2007. № 3. С. 9.

¹³ Прикладная юридическая психология / под ред. А.М. Столяренко. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2001. С. 29.

У высокого уровня правосознания правовые отношения, знания, чувства являются устойчивым свойством личности. Носители данного уровня характеризуются активностью, устойчивостью и осознанностью правового поведения.

Таким образом, не существует абстрактного критерия, который мог бы служить оценкой правосознания, независимо от возраста, социального положения, окружающей социальной среды¹⁴.

¹⁴ Муслумов Р.Р. Правовое сознание личности : учеб. пособие / М-во образования и науки Рос. Федерации,

Развитие правосознания представляет собой сложный процесс, который происходит под влиянием различных факторов, как внешних, так и внутренних, изучение этих факторов позволит выявить недостатки в формировании правосознания, найти способы борьбы с ними и повысить качество правосознания населения.

Урал. фед. ун-т. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. С. 45.

Литература

1. Беляев Д.К. Современная наука и проблемы исследования человека / Д.К. Беляев // Вопросы философии. 1981. № 3. С. 3–16.
2. Воловикова М.И. Нравственно-правовые представления в российском менталитете / М.И. Воловикова // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 5. С. 16–23.
3. Муслумов Р.Р. Правовое сознание личности : учебное пособие / Р.Р. Муслумов. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. 80 с.
4. Николаева О.П. Морально-правовые суждения и проблема развития морального сознания в разных культурах : автореф. дис. ... канд. психол. наук / О.П. Николаева. М. : Ин-т психологии РАН, 1992. 26 с.
5. Общая теория государства и права : академический курс : в 2 т. / под ред. М.Н. Марченко. Т. 2: Теория права. М. : Зерцало, 1998. 620 с.
6. Певцова Е.А. Из истории развития законодательства о правах молодежи России / Е.А. Певцова // История государства и права. 2007. № 20. С. 10–12.
7. Певцова Е.А. Правовое воспитание: вопросы теории и практики / Е.А. Певцова. М. : Международный юридический институт, 2013. 296 с.
8. Певцова Е.А. Роль юристов и педагогов в формировании правосознания несовершеннолетних / Е.А. Певцова // Народное образование. 2006. № 9. С. 181–185.
9. Певцова Е.А. Современная теория правосознания молодежи: теоретико-правовые аспекты / Е.А. Певцова // Гражданин и право. 2007. № 3. С. 9–21.
10. Певцова Е.А. Теоретико-правовые основы преодоления правового нигилизма и формирования правовой культуры детей и молодежи : монография / Е.А. Певцова. М. : Канцлер, 2012. 319 с.
11. Певцова Е.А. Функции правосознания учащейся молодежи: состояние и проблемы развития / Е.А. Певцова // Lex Russica. 2006. Т. LXV. № 5. С. 873–892.
12. Певцова Е.А. Юридическая техника и проблемы развития образовательного законодательства / Е.А. Певцова // Юстиция. 2007. № 3. С. 9–23.
13. Прикладная юридическая психология / под ред. А.М. Столяренко. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 639 с.
14. Юридическая педагогика / под ред. В.Я. Кикотя, А.М. Столяренко. М. : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2004. 895 с.
15. Ясюкова Л.А. Правосознание: диагностика и закономерности развития / Л.А. Ясюкова // Прикладная психология. 2002. № 4. С. 1–13.
16. Tapp, J. Legal socialisation across age, culture, and context: psychological and legal justice systems / J. Tapp. N.Y. : Stanford Law Review, 1987.
17. Tapp, J.L. Developing senses of law and legal justice / J.L. Tapp, L. Kohlberg // Law, justice and the individual in society. 1971. Iss. 27. P. 65–92.